

16+

ISSN 2310-5453
ISSN Online 2587-5639
№ 3 (13)
2017

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Редактор выпуска

Е.Х. Голомарева

Редакционная коллегия:

Варвара Белолобская (СВФУ, Россия)

Антонина Винокурова (СВФУ, Россия)

Людмила Заморщикова (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Гейл Фонда́л (Университет Северной Британской Колумбии, Канада)

Дженнан Фергюссон (Университет Аризоны, США)

Гунхильд Гйорв Хугенсен (Арктический университет Тромсё, Норвегия)

Ответственный секретарь

В.Ю. Кузин

Технические секретари:

Д.И. Осипов, И.А. Матвеев

Адрес издателя, редакции:

677000, г. Якутск, ул. Курашова, д. 30/4, каб. 7.
sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Голомарева Е.</i> Слово редактора	3
--	---

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ

<i>Новикова Н.И.</i> Этнологическая экспертиза в Российской Федерации: правовые основания и перспективы для коренных народов	4
<i>Самсонова И.В., Неустроева А.Б., Павлова М.Б.</i> Взаимоотношения коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний (на материалах Мирнинского района Республики Саха (Якутия))	21
<i>Семенова Л.А.</i> Создание ГИС-проекта при этнологической экспертизе	34
<i>Игнатьева П.М.</i> Традиционное природопользование Алданского района: на примере кочевой родовой общины «Амин»	40
<i>Лашов Б.В.</i> Коренные народы Российской Арктики: экономические и этнические аспекты развития.....	44
<i>Самсонова И.В., Павлова М.Б.</i> Российский и международный опыт возмещения ущерба коренным малочисленным народам при ресурсном освоении территорий	52

СЛОВО РЕДАКТОРА

Вопросы сохранения экологии, уникальной среды обитания коренных народов Севера являются стратегической задачей нашего государства. Эти вопросы находятся на постоянном контроле властей республики. Якутия является единственным в стране регионом, где принят региональный закон «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)».

Активная законотворческая позиция республики на федеральном и региональном уровнях возможна благодаря консолидированной позиции правительства, парламента и научного сообщества республики. Принятие закона об этнологической экспертизе говорит о высоком уровне научного осмысления данной проблемы, реализации эффективных инструментов привлечения академического сообщества к проблемам Арктики и Севера.

В июне 2017 года в республиканском парламенте прошли парламентские слушания по этнологической экспертизе. Слушания вызвали большой интерес, было много представителей компаний, хочется верить, что для них это обсуждение было полезным. Очень важно, что соответствующее министерство проводит мониторинг выполнения постановлений о результатах экспертизы.

Очень надеюсь, что нам удастся использовать опыт Республики Саха (Якутия) в создании федерального закона, механизмов справедливых отношений в сфере природопользования, обеспечить коренным малочисленным народам законный доступ к земле и другим ресурсам. Это общая ответственность, в том числе и научного сообщества.

Специальный выпуск журнала «Арктика. XXI век. Гуманитарные науки» примечателен тем, что проблемы этнологической экспертизы рассматриваются с различных точек зрения – как теоретических, так и прикладных. Отраднo, что по проблеме этнологической экспертизы собран солидный научный материал, который будет полезен тем, кто реализует арктическую политику.

Редактор выпуска

Елена ГОЛОМАРЕВА,

председатель постоянного комитета по вопросам коренных малочисленных народов Севера и делам Арктики Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия).

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ

УДК 39, 340

Н.И. Новикова¹

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

*ANTHROPOLOGICAL EXPERT REVIEW IN RUSSIAN FEDERATION:
LEGAL GROUNDS AND PROSPECTS FOR INDIGENOUS PEOPLE*

В статье рассматриваются международные стандарты, правовое регулирование и практики проведения этнологической экспертизы в Российской Федерации (на примере Республики Саха (Якутия) и Сахалинской области). На основании полевых исследований и опыта участия в законотворческом процессе делается попытка ответить на вопрос: что дает для социально-экономического развития коренных народов ЭЭ в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: этнологическая экспертиза, международное право, федеральное и региональное законодательство, коренные малочисленные народы, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область.

This article focuses on the anthropological expert review, its legal foundation and its practical application in the Russian Federation (Sakha Republic (Yakutia) and Sakhalin). The analysis is based on field research, and the experience of carrying out AERs and taking part in legal proceedings as an expert of the State Duma. Special attention is paid to question: what anthropological expert review gives for social and economic development of indigenous people in the long term.

Keywords: anthropological expert review, international law, federal and regional legislation, indigenous, people, Sakha Republic (Yakutia), Sakhalin region.

¹ Новикова Наталья Ивановна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва.

E-mail: natinovikova@gmail.com

Novikova Natalia – Doctor of History sciences, Leading researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Введение

В общественном и академическом сознании этнологическая экспертиза (далее ЭЭ) представляется как научное заключение о влиянии хозяйственных проектов на сохранение и развитие образа жизни коренных народов. Проведение ЭЭ позволяет уделить внимание традиционным знаниям и ценностям коренных народов и создать действенный механизм учета их мнения. Составной ее частью стало изучение корпоративных политик и правил, принятых в промышленных компаниях. ЭЭ является вместе с тем и проверкой профессиональных умений ученых. Качественное ее выполнение способствует росту доверия исследуемых народов к антропологам.

ЭЭ может рассматриваться как способ достижения свободного, предварительного и осознанного согласия (далее СПОС) коренных народов на принятие решений, затрагивающих их интересы. Особенно важно при ее проведении установить диалог с коренными народами, максимально полно отразить их законные интересы и устремления. Данная работа в некотором смысле является ответом на опубликованную в журнале «Арктика: экология и экономика» статью, где основное значение ЭЭ определяется в финансово-экономических категориях [12] и дискуссиям с исследователями и активистами, участвующими в проведении экспертиз, которые состоялись в городе Якутске в 2017 году.

В статье ставятся следующие вопросы: почему должна проводиться именно этнологическая (выполненная этнологами) экспертиза, как она регулируется в международном праве и российском законодательстве и что она дает для социально-экономического развития коренных народов в долгосрочной перспективе. Дается сравнительный анализ политик в отношении коренных малочисленных народов в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области в контексте этнологической экспертизы и ее последствий.

Что такое ЭЭ и правовые основания ее проведения

Понятие ЭЭ появилось в российской правовой системе в 1999 г. в федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: «ЭЭ – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» [17]. Многим специалистам это определение кажется слишком расплывчатым. В отзыве на законопроект, посвященный оценке воздействия, Института этнологии и антропологии РАН, обсужденном на Ученом совете института, было дано такое определение «ЭЭ – прикладное научное исследование, проводимое специалистами в области этнологии и социально-культурной антропологии в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов с целью определения возможных воздействий и связанных с ними этнокультурных и социально-экономических последствий намечаемой или осуществляемой хозяйственной и иной деятельности»¹. Основной претензией к определению может быть

¹ Утвержден на Ученом совете Института этнологии и антропологии РАН 11.11.2014 г. (протокол № 7).

названо отсутствие в нем конкретных правовых последствий такого исследования, особенно до принятия соответствующего федерального закона.

Необходимость правового оформления ЭЭ на федеральном уровне диктуется остротой проблем, возникающих при промышленном освоении районов Арктики, Севера и Сибири, а также определено в важнейших нормативных документах Российской Федерации. Обязательное ее проведение может стать важным механизмом обеспечения Стратегии национальной политики Российской Федерации, принятой Указом Президента в 2012 г. В этом документе одной из задач государственной политики названо создание условий для участия коренных малочисленных народов в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы [16]. В октябре 2016 года президент Российской Федерации определил пять поручений в области межнациональных отношений, одно из которых касается юридического оформления процедуры ЭЭ.

На уровне субъектов федерации закон об ЭЭ принят в Республике Саха (Якутия), но практические наработки в соответствии с региональным законодательством есть не только в этой республике, но и в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах и Сахалинской области. Эти положения создают потенциальные возможности для коренных народов осуществлять конституционные права.

При проведении ЭЭ российские антропологи опираются на Декларацию ООН о правах коренных народов, другие международные документы и стандарты, но определяющее значение имеет законодательство Российской Федерации, субъектов РФ, а также решения, принятые гражданами на общественных слушаниях и в результате осуществления иных форм непосредственной демократии.

Международное право исходит из того, что права коренных народов связаны с обеспечением им доступа к определенным территориям, которые как сами по себе, так и находящиеся на них другие ресурсы составляют основу жизнеобеспечения: «Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования» [8]. В 2007 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах коренных народов, в которой сформулированы наиболее общие положения, характеризующие нормы для национальных государств, в которых проживают данные народы. В Декларации подчеркивается их роль в осуществлении контроля над принятием решений, причем на основании СПОС коренных народов на осуществление деятельности, затрагивающей их интересы [5].

В 1992 г. была принята Конвенция ООН о биологическом разнообразии, которая предусматривает обязанности государств-участников в области сохранения и поддержания традиционных знаний и практик коренных народов, имеющих значение для сохранения биологического разнообразия. Результатом работы Конференции по этой конвенции стали Добровольные руководящие принципы Агуэй-гу проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых местными и коренными общинами. Этот документ допускает возможность объединения оценок культурных, экологических и социальных последствий в единый процесс [20].

Определенным эталоном в отношении политики взаимодействия промышленных компаний и коренных народов стали документы Всемирного Банка. Политика банка в отношении коренных народов регламентируется документом «Операционная директива 4.10. – Коренные народы», который содержит требования к оценке воздействия проектов любой деятельности, осуществляемых на территории традиционного проживания этих народов. Документы Всемирного Банка предназначены для его сотрудников и не претендуют на рассмотрение данного вопроса в полном объеме. В случаях, когда проект Всемирного Банка затрагивает интересы коренных народов, проводится социологическая оценка с тем, чтобы оценить возможные положительные и отрицательные последствия для коренных народов и, в случаях возможного значительного неблагоприятного эффекта, рассмотреть альтернативные варианты осуществления проекта. В директиве дается схема проведения социологической оценки, в которой указывается на необходимость СПОС при определении и оценке мер, необходимых для предотвращения неблагоприятных последствий планируемой деятельности. Очень важным элементом политики Всемирного Банка является осуществление надзора за реализацией проекта, в котором участвуют специалисты в области социологии и эксперты по правовым вопросам. Для данной статьи особый интерес представляет положение Директивы о том, что компания должна разработать План содействия развитию коренных народов [11].

У Европейского банка реконструкции и развития (далее ЕБРР) также есть документы, определяющие его деятельность в отношении коренных народов, в первую очередь «Требование ЕБРР к реализации проектов № 7. Коренные народы». В этом документе указывается, что инвестиционные проекты могут «помочь коренным народам реализовать их чаяния, направленные на социальное и экономическое развитие». При этом, при оценке воздействия признается, что коренные народы в странах деятельности банка могут уже не быть исключительно заняты традиционным жизнеобеспечением, признается что в их расселении и культуре могли произойти со временем изменения. Традиционное хозяйствование при оценке воздействия следует трактовать гибко (включая в него такие современные разновидности, как этнотуризм и переработка пищевой продукции). В требованиях банка указывается на важность традиций и обычного права, в том числе при регулировании землепользования. А компенсация коренным народам при выполнении проектов рассматривается как крайняя мера, когда невозможно обеспечить им доступ к ресурсам. Таким образом, требования ЕБРР представляют собой более адекватную современным условиям политику в отношении коренных народов при планировании и осуществлении деятельности, которая затрагивает их права и интересы. Специально указывается, что экспертиза должна проводиться культурно приемлемыми для коренных народов методами [19].

Методологическую основу проведения ЭЭ составляют разработанные в ООН «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». Этот документ принят в 2011 году

на основании доклада, подготовленного Специальным представителем Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях Джоном Рагги [14].

В его основе три основные идеи. Во-первых, государства обязаны обеспечивать защиту от нарушений прав человека третьими сторонами, включая предприятия, посредством надлежащей политики, нормативного регулирования и судебного разрешения споров. Во-вторых, корпорации обязаны соблюдать права человека, а это означает, что предприятиям следует проявлять должную осмотрительность, с тем, чтобы избежать нарушения прав других сторон и устранять неблагоприятное воздействие на них, к которому они причастны. В-третьих, существует потребность в расширении доступа жертв нарушений к эффективным средствам судебной и внесудебной правовой защиты. Эти общие положения становятся определяющими при проведении ЭЭ, причем важно подчеркнуть, что они обеспечивают участие и населения, и промышленных корпораций, и органов государственной власти.

Законодательство Российской Федерации

Предыдущий опыт арктических и северных регионов показывает, что государственных правовых механизмов установления партнерства между промышленными компаниями и коренными народами явно недостаточно. Дополнительные проблемы возникают из-за экологических проблем, к которым можно отнести и изменение климата, и масштаб накопленного загрязнения, уровень экологического сознания работников и, наконец, сужающееся экологическое законодательство в сфере экологической экспертизы для промышленных компаний. Экологическому праву отводится второстепенная роль, и оно стало недостаточным для обеспечения снижения негативного воздействия хозяйственной деятельности. Юристы экологи отмечают уменьшение значения таких важных в прошлом механизмов как ОВОС и экологическая экспертиза, по которой существенно сократился перечень объектов после принятия в 2006 году Градостроительного кодекса. Также негативную роль играет снижение роли общественного контроля и слабое использование экологического страхования. Современное освоение Арктики и Севера происходит на фоне накопившегося загрязнения, за которое никто не несет ответственности [12].

Именно отсутствие достаточных и действенных правовых механизмов защиты прав коренных народов при промышленном освоении вызвало необходимость принятия дополнительных мер по защите их конституционных прав. Основой проведения ЭЭ является установление условий, на которых будет строиться та или иная деятельность, затрагивающая права и законные интересы коренных народов. Но экспертиза это не только норма, но и процесс. ЭЭ позволяет согласовать интересы сторон, минимизировать отрицательные последствия проектов развития, изменения природных и социально-экономических условий проживания коренных народов в современном мире. Кроме того, ЭЭ может создавать условия не только для сохранения традиционного образа жизни, но и для развития предпринимательства у этих народов.

Правовые основания для выполнения этнологической экспертизы гарантированы Федеральным законом 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», где содержится определение этнологической экспертизы и описаны права этих народов на защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни. Отметим в первую очередь их следующие коллективные права: участвовать в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами малочисленных народов, и общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов; получать от органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов; на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами. Последнее право предоставляется также лицам, принадлежащим к этим народам. ЭЭ и этнологический мониторинг проводятся для выработки механизма осуществления этих прав, гарантированных федеральным законодательством. Таким образом, ЭЭ конкретизирует право на возмещение убытков, уже существующее в федеральном законодательстве и не должна, на мой взгляд, этим ограничиваться. Согласно статье 8 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» коренные малочисленные народы имеют право участвовать в проведении экологической и этнологической экспертизы. Это означает, что они могут ее инициировать, участвовать в ее проведении и знакомиться с результатами и рекомендациями экспертов.

Региональный опыт ЭЭ

Республика Саха (Якутия)

В 2010 г. был принят Закон Республики Саха (Якутия) «Об ЭЭ в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» [6]. В этом документе предусмотрены эффективные меры защиты прав коренных народов при осуществлении промышленной деятельности [15]. Безусловно, проведение экспертизы в одном из крупнейших регионов Севера даст мощный импульс для прикладных исследований и, возможно, для федерального законодателя. Не останавливаясь подробно на анализе этого закона, отмечу, что в нем ЭЭ соединяет две части: оценка воздействия на коренные народы (ОВЭС – Оценка воздействия на этнологическую среду) и расчет компенсации. Такой подход создает потенциальную угрозу того, что абorigены

могут быть заинтересованы в получении компенсации, а не в долгосрочном устойчивом развитии. Очень важно привлечь общественность к обсуждению результатов проведения экспертиз. Было бы очень полезно провести конференцию с участием общественных организаций, промышленных компаний и ученых для обсуждения непростого процесса согласования интересов всех стейкхолдеров, тем более что нерешенных вопросов много, о чем говорят республиканские политики и активисты [18].

В Республике Саха (Якутия) проведено восемь ЭЭ, хотя за время после принятия закона было осуществлено более двухсот промышленных проектов. По всем дано положительное заключение. В Ил Тумэне уже несколько раз обсуждались вопросы проведения ЭЭ. Депутаты и эксперты отмечают, что для успешного применения закона необходимо принятие соответствующих актов на федеральном уровне и включение ЭЭ в закон «О недрах» и ресурсные кодексы.

Кроме того, эксперты указывают на несовершенство документов, регламентирующих процесс проведения этнологической экспертизы: отсутствие четких критериев для отбора экспертов и методик проведения оценки воздействия на этнологическую среду (несмотря на то, что правительством Якутии принят ее регламент), отсутствие общественного мониторинга выполнения рекомендаций.

В 2017 году мною было проведено «коридорное» (в коридорах власти) исследование в г.Якутске с ответственными за проведение экспертизы людьми: в Ил Тумэне, Министерстве по развитию институтов гражданского общества Республики Саха (Якутия), я также встретила с представителями Ассоциации коренных малочисленных народов и экспертами. В целом, я поддерживаю инициативу по принятию закона и положения о проведении экспертизы. Опасения вызывает отношение к тому, как она проводится. Во-первых, далеко не все экспертизы выполняются профессионалами. Более того, в высказываниях некоторых экспертов прозвучало, что вообще этнографы не могут делать эту работу. Во-вторых, во всех обсуждениях на первом месте были выплаты за ущерб от промышленной деятельности.

На Парламентских слушаниях 8 июня 2017 года «Об ЭЭ в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера», инициированных постоянным комитетом Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по вопросам коренных малочисленных народов Севера и делам Арктики прозвучало мнение о том, что, несмотря на обилие «проектов развития», рост объема производства, благосостояние коренных народов и местного населения не растет, а состояние окружающей среды ухудшается. Социальный диалог с бизнесом не установлен, финансовые вливания в развитие территорий осуществляются от случая к случаю, зависят от «доброй воли» недропользователей. Странную позицию занимают и органы прокуратуры, ведь из восьми этнологических экспертиз компенсации оплачены только в шести случаях. Население республики обеспокоено состоянием здоровья, сохранением языков и культуры коренных малочисленных народов, перспективами развития арктических территорий. Этим вопросам ЭЭ почти не касаются. Более того, выясняется, что компании своими обязательствами считают только выплаты определенной суммы, а на реко-

мендации по ОВЭС могут вообще не обращать внимание, не определены критерии этнологического мониторинга. Серьезную обеспокоенность вызывает тот факт, что ЭЭ проводится уже после лицензирования, а не тогда, когда началось геологическое изучение. Несмотря на то, что практически все опрошенные и выступавшие на слушаниях говорили о необходимости федерального закона и дополнений в ресурсное законодательство, обозначена также и важность регионального фактора, особенно при разработке методики расчета ущерба.

Как отметил инициатор закона А.Н. Слепцов, первоначально было нужно создать общественное мнение и заручиться поддержкой органов власти республики. Сегодня это уже достигнуто, нужно продвигать успешные практики, развивать законодательство. Важные инновации предлагают в Министерстве по развитию институтов гражданского общества – внести соответствующие изменения в административный кодекс для контроля и ответственности компаний за выполнение постановлений правительства республики по заключениям этнологической экспертизы.

Несмотря на все эти положительные изменения в законодательстве и практике применения закона, проблема научного обеспечения этнологической экспертизы остается актуальной. Председатель постоянного комитета Ил Тумэна по вопросам коренных малочисленных народов Севера и делам Арктики Е.Х. Голомарева отметила, что ЭЭ – это «этносбережение», в центре которого находится домашний олень. Но если мы посмотрим заключение, например, по проекту «Сила Сибири», то очевидно большая часть работы экспертов была посвящена вопросам инженерных сооружений, влияния на окружающую среду, а по вопросам коренных малочисленных народов в основном даются данные по расчету ущерба. Несмотря на то, что в этом заключении отмечается, что нет конкретной программы развития и адаптации этих народов к осуществлению проекта, дано положительное заключение [13].

Анализ заключений ЭЭ показывает, что основным вопросом стало возмещение ущерба, а этнологическая часть воспринимается как основание для расчета убытков. У части активистов и экспертов сохраняется потребительское отношение к деятельности компаний, на их ожиданиях сказывается «корпоративный патернализм». Такое отношение к этнологической экспертизе определяется традиционным с советских времен подходом к деятельности промышленных компаний, когда они брали на себя значительную часть расходов территории, содержали детские сады, оказывали поддержку больницам и т.д. Правда, до 1990-х годов права коренных народов Севера вообще не были защищены. Сегодня требуется просвещение местного населения в вопросах ЭЭ, тогда может быть станет понятным то, что единовременные даже большие выплаты без социальной политики компаний не принесут коренным народам ни благосостояния, ни устойчивого развития их культуры.

Опыт Сахалина

На Сахалине в ходе непростых взаимоотношений между коренными народами и промышленными компаниями сложилась новая для Российской Федерации практика – «План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера

Сахалина». В ходе его разработки возникали различные сложности, первоначальный вариант проходил и ЭЭ [7].

План был принят в 2006 г. Это трехсторонняя программа, которая реализуется компанией Sakhalin Energy, администрацией Сахалинской области, региональным советом уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера. Ее задачами являются: повышение качества жизни этих народов, содействие развитию их потенциала, способствующее активному участию в управлении ресурсами, предотвращение или смягчение негативного воздействия проекта на коренные малочисленные народы. План включает несколько подпрограмм, финансирование осуществляется на конкурсной основе. Часть проектов направлена на поддержку хозяйственной деятельности, ее развитие, повышение ее конкурентоспособности [10]. Важно подчеркнуть, что по мере развития программы возникали и решались различные вопросы. Со временем растет квалификация людей, которые управляют распределением средств, этому способствует проводимый мониторинг и простое обсуждение возникающих проблем. Важнейшей чертой программы является то, что уже сейчас средства распределяются аборигенами и среди аборигенов. Это их собственная ответственность и уже сам по себе факт существования такой программы способствует росту потенциала аборигенного сообщества. Так, все решения по финансированию мини-грантов принимаются советом, состоящим исключительно из представителей коренных малочисленных народов Сахалина. По мнению представителя коренных малочисленных народов при Сахалинской областной думе В.В. Агнюна «фонд мини-грантов является своего рода моделью схемы управления Планом содействия в будущем, когда принятие всех решений, реализация программ и осуществление контроля в рамках данной инициативы станет исключительной прерогативой представителей коренных народов Сахалина» [1, с. 28]. План высоко оценивается руководством области, для которого он не только средство правовой защиты коренных малочисленных народов, но и способ решения многих финансовых проблем. Сегодня План содействия признается лучшей российской практикой взаимодействия коренных народов и промышленных компаний. Характерной особенностью деятельности компании Sakhalin Energy является наличие специальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера. Важнейшей чертой Плана содействие является постоянный мониторинг его выполнения экспертами-профессионалами (антропологом и социологом) и представителями коренных народов. Результаты этой экспертизы учитываются и в ходе проведения текущих мероприятий, и оценки поданных проектных заявок, и при составлении Плана на следующие пять лет.

Сейчас уже идет третий этап выполнения Плана содействия. В 2016-2020 гг. задачами его стали: Развитие потенциала (совершенствование лидерских качеств и технических навыков, поддержка стремления к дальнейшему развитию этнического самосознания); Социально-экономическое и культурное развитие (культурное возрождение, экономическая устойчивость предприятий, осуществляющих традиционное хозяйствование, улучшение социальных условий рассматриваются как

целевые направления поддержки. Сделан акцент на долговременное стратегическое планирование с концепцией устойчивого развития в качестве ориентира); Подготовка к созданию независимого фонда развития коренных малочисленных народов; Раскрытие информации о воздействии проекта «Сахалин-2» на окружающую среду (обеспечение своевременного, объективного и полного информирования о существующем и или потенциальном воздействии и о мерах, принимаемым для предотвращения и или минимизации любого возможного негативного воздействия). С 2006 года было реализовано более 650 проектов в сфере поддержки традиционной экономической деятельности и социального развития, предложенных представителями коренных народов и их организациями и утверждённых к финансированию самими аборигенами. К положительным сторонам Плана относятся его продолжительность и транспарентность.

При сравнительном анализе политик промышленных компаний в отношении коренных народов в Российской Федерации План содействия выгодно отличается своей направленностью на развитие этих народов. Это проекты на покупку техники, обустройство стойбищ и промысловых участков, а также участие аборигенов Сахалина в выставках-ярмарках. В 2017 году один из принятых управлением Плана проектов был связан с презентацией культуры коренных народов Сахалина на Международной выставке народных мастеров в Будапеште. Выставка стала не только площадкой для продажи изделий коренных народов, но и способствовала пропаганде, а следовательно, развитию их культуры, приобретению ими новых навыков предпринимательской деятельности. У меня была возможность провести полевое исследование выполнения этого проекта, которое станет основой отдельной статьи. Здесь лишь замечу, что он стал важным фактором складывания культурно-ориентированного предпринимательства и актуализировал интерес его участников к этническим языкам, костюму, песням, танцам, религиозным представлениям, и, конечно, к народному искусству, в первую очередь резьбе по дереву и кости, изделиям из рыбьей кожи, вышивкам и т.п. Они имели возможность познакомиться с опытом страны, где народные мастера сделали ремесла основой жизнеобеспечения своих семей.

План содействия как политика взаимодействия коренных народов и промышленной компании нуждается сегодня не только в поощрении, но и совершенствовании. О.А. Базалеевым, длительное время работавшим в компании Sakhalin Energy, проведён интересный анализ социального капитала как фактора осуществления социально-экономических программ. Роль концепции социального капитала особенно важна для анализа эффективности проектов развития, так как актуализирует такой ресурс, как взаимосвязи между людьми, общественными структурами и «позволяет избежать одностороннего восприятия аборигенных сообществ через призму дефицитности ресурсов». Но необходимо учитывать, что социальный капитал оказывает амбивалентное влияние, такие его издержки, как этноцентризм или клановость могут стать препятствием на пути развития коренных народов. «С одной стороны, содействуя объединению индивидуальных усилий в коллективные действия, социальный капитал позволяет в ряде случаев эффективно снижать материальные, временные

и прочие затраты на реализацию социально-экономических программ. С другой стороны, некоторые особенности функционирования социального капитала могут оказать негативное влияние на эффективность реализуемых программ. В ряде случаев проблемой мобилизации социального капитала является то, что в современных условиях для реализации социально-экономических программ требуются иные типы социального взаимодействия, чем те, в которых в настоящее время проявляется социальный капитал. В то же время воздействие на социальный капитал в аборигенных сообществах является прерогативой, прежде всего, коренных народов» [3, с. 122, 130]. План содействия высвечивает многие проблемы, которые существуют внутри аборигенного сообщества, но безусловным его плюсом является то, что аборигены приобретают опыт управления. Мы изучали практику применения процедуры жалоб, которая также не представляется безусловной, часто конкуренция и зависть являются основными поводами для обращения с жалобами, хотя в целом эта процедура много дает для обеспечения обратной связи [21]

План содействия влияет на политику других компаний на Сахалине. Правда, к сожалению, в основном международных. Так, в 2014 г. общественная организация коренных народов Севера Сахалина получила грант компании Эксон нефтегаз лимитид на проведение обучающих семинаров на тему «Что такое ЭЭ?» во всех городах и поселках острова, где проживают эти народы. Во время семинара представители коренных народов познакомились с международными нормами и российским законодательством, которые могут служить основанием для проведения этнологической экспертизы. Этот проект показывает открытость компании и готовность ее к диалогу с коренным и местным населением. В обсуждениях и ролевых играх принимали участие и работники компании, занимающиеся вопросами взаимодействия с коренными народами. Во время семинара участники познакомились не только с правовыми материалами, но и с методами антропологической работы, ее целями и содержанием. Основная лекция об этнологической экспертизе была записана на диск и размещена в интернете [9]. В поселке Некрасовка было проведено занятие для учеников 9-11 классов. Особый интерес представляют высказывания трех школьников по поводу лекции и ролевой игры: «В данный момент мнение ребенка не учитывается в подобных мероприятиях, но в дальнейшем это может пригодиться в подобных ситуациях. Участие в таких семинарах воспитывает в ребенке свободу голоса». О долгосрочных результатах: «Может быть взаимопонимание между народом и предприятием. Каждый должен выслушать друг друга и принять правильное решение». «Я считаю, это полезная информация для малочисленного народа Севера, потому что мы должны знать, на что идет наш народ».

Почему именно ЭЭ?

Несмотря на то, что в законодательстве России пока не разработаны механизмы проведения ЭЭ, на практике она применяется. Она проводится чаще всего по заказу промышленных компаний при возникновении конфликтов между ними и коренными

народами. В этом случае компании получают рекомендации от экспертов, которые помогают им выработать правильную политику в отношении этих народов.

На практике ЭЭ означает исследование следующих вопросов [22]:

1. Анализ нормативно-правовой базы проведения этнологической экспертизы
2. Анализ традиционного образа жизни малочисленных народов, зафиксированного до осуществления намечаемой деятельности, в зоне реализации и в зоне прямого и косвенного воздействия проекта;
3. Выявление сообществ коренных малочисленных народов Севера и местных жителей, общин и иных объединений, интересы которых могут быть затронуты при реализации проекта;
4. Сбор данных и проведение анализа социально-демографических показателей коренных малочисленных народов Севера и местных жителей в зоне реализации проекта;
5. Обследование систем жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
6. Оценка социальной ситуации в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
7. Оценка состояния традиционной культуры в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
8. Определение и обследование наиболее уязвимых локальных этнокультурных групп и территорий в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
9. Определение и оценка возможных изменений в традиционном образе жизни малочисленных народов и местного населения при планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
10. Анализ политики промышленной компании;
11. Общий прогноз развития этнодемографической, этносоциальной и этнокультурной ситуации (с учетом ее исходных данных) при реализации проекта;
12. Разработка мер по предотвращению и/или снижению возможного негативного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов.

Методами ЭЭ являются включенное наблюдение, интервью, в том числе экспертные, фокус-группы, опросы, а также сбор статистических данных, анализ архивных материалов и СМИ. Во время ее проведения эксперты могут обратить внимание промышленных компаний на специфические интересы и особенности образа жизни коренных народов, которые нуждаются в специальных мерах. Наиболее очевидные для Российского Севера –

- кочевой образ жизни оленеводов, зонирование пастбищ по сезонам и по их значимости: например, весенние пастбища, где происходит отел оленей нуждаются в особой защите и обеспечении спокойствия для животных;

- зависимость от качества воды, так как она используется непосредственно из открытых источников;
- использование мяса и рыбы в сыром виде,
- пользование территориями на основании обычного права без государственных удостоверяющих документов,
- священные места.

В современных условиях нужно также обращать внимание на группы коренных народов, проживающих в поселках, которые не могут полностью обеспечивать себя традиционной хозяйственной деятельностью, например, работающие в бюджетной сфере и зависящие от возобновляемых биологических ресурсов, существующие прочные отношения обмена в аборигенных сообществах.

Необходимость проведения именно ЭЭ для изучения изменений положения и состояния этнических общностей в современных условиях обсуждается сегодня в различных сферах, как на уровне государственной власти, так и в научном сообществе. ЭЭ является важнейшим видом прикладных исследований. Антропологическое исследование при этом позволяет смотреть на жизнь изучаемого сообщества как на систему взаимообусловленных элементов, находящихся в диалектической связи, когда изменение одних неминуемо вызывает изменение других. ЭЭ имеет своей целью минимизировать отрицательные последствия управленческих решений, хозяйственных и тому подобных проектов на жизнь людей. Она может рассматриваться как форма участия научного сообщества в общественной жизни и как средство защиты прав на культурную самобытность при разрешении конфликтов, связанных с управлением культурным многообразием. Необходимо учитывать, что ЭЭ – это только часть взаимодействия коренных народов и промышленных компаний. Чем скорее она будет включена в правовую систему государства, тем это взаимодействие будет эффективнее.

В ходе проведения ЭЭ исследуются изменения образа жизни, причем антропологические методы позволяют сделать анализ и социально-экономических, и политических, и культурных, и демографических аспектов. Изучаемые этнические общности анализируются как стратифицированные общества с различными хозяйственными и культурными практиками, в которых антрополог подчеркивает равное значение символических и утилитарных составляющих человеческих отношений. Перед исследователем стоит сложная задача – предоставить право голоса всем участникам анализируемых отношений, на основе этого дать научную интерпретацию ситуации [4] и пойти дальше – предложить альтернативные пути решения проблем. В современных условиях, пока не принят специальный федеральный закон, антропологи могут выработать механизмы проведения этнологической экспертизы, чувствительные к образу жизни коренных народов.

В последние годы наблюдается неоднозначное отношение к этнологической экспертизе со стороны политиков и депутатов. С одной стороны в Законодательном собрании проходили парламентские слушания, специально посвященные этнологической экспертизе и ее роли в защите прав коренных народов, с другой стороны

Правительство выступает с критикой предлагаемых законопроектов, а депутаты и чиновники, представляющие интересы крупного бизнеса, подчеркивают, что ЭЭ создаст «непреодолимые препятствия для развития бизнеса».

Выводы

В самом общем виде ЭЭ может рассматриваться как механизм взаимодействия органов власти, промышленных компаний, научного сообщества и коренных малочисленных народов Севера. Она дает информационное обеспечение выработки гибких, адаптированных к условиям регионов механизмов. Одной из причин того, что коренные народы часто не доверяют этнологической экспертизе, является то, что заказчиком выступает промышленная компания, и они считают, что решения будут приниматься в ее пользу, не верят в их справедливость. Вопрос эффективности ЭЭ зависит от общей правовой ситуации в государстве. В современных условиях важно также задуматься над тем, как связано промышленное развитие регионов Арктики и Севера и благосостояние местного и коренного населения, именно этот показатель должен стать определяющим при оценке деятельности компаний.

Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 15-01-00452 и является продолжением статьи «ЭЭ в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов» // Арктика: экология и экономика (в печати).

Литература

1. Агнюн, В.В. План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина / В.В. Агнюн // Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). – Москва : Федеральное Собрание Российской Федерации, 2009. – С. 26-31.
2. Арктическое право: концепция развития / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – Москва : ИД «Юриспруденция», 2014. – 148 с.
3. Базалеев, О.А. Проблемы ликвидности социального капитала в программах развития коренных малочисленных народов Севера Сахалина / О.А. Базалеев // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 1. – С. 121-132.
4. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – Москва : РОСПЭН, 2004. – 560 с.
5. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, 2007 // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml
6. Закон Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW249&n=22006#0>
7. Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / отв. ред. Н.И. Новикова. – Москва : Стратегия, 2008. – 511 с.

8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966 // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

9. Новикова, Н.И. Что такое этнологическая экспертиза? / Н.И. Новикова // <https://www.youtube.com/watch?v=Et2p2EkePpl>

10. Новикова, Н.И. Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии / Н.И. Новикова. – Москва : Наука, 2014. – 407 с.

11. Операционная политика Всемирного банка 4.10. Коренные народы // http://siteresources.worldbank.org/OPSMANUAL/Resources/210384-1170795590012/OP410_Russian.pdf

12. Потравный, И.М. Территории традиционного природопользования: ограничения развития или факторы экономического роста? / И.М. Потравный, В.В. Гассий, С.М. Афанасьев // Арктика: экология и экономика. – 2017. – № 2 (26). – С. 4-16.

13. Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 25 ноября 2015 года № 1383-р «Об утверждении положительного заключения Экспертной комиссии этнологической экспертизы на материалы по оценке воздействия на этнологическую среду (ОВЭС) в составе проектной документации «Магистральный газопровод «Сила Сибири»// <http://old.sakha.gov.ru/node/119623>

14. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок ООН, касающихся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты // http://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf

15. Слепцов, А.Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) / А.Н. Слепцов // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (4). – С. 15-24.

16. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666) // <http://base.garant.ru/70284810/>

17. Ф3 от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>

18. Шадрин, В.И. Этнологическая экспертиза в Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / В.И. Шадрин ; ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. – Москва : ИЭА РАН, 2014. – С. 331-337.

19. Экологическая и социальная политика. Европейский банк реконструкции и развития, 2014 // <http://www.ebrd.com/downloads/research/policies/esp-russian.pdf>

20. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы / сост. О.А. Мурашко. – Москва : Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, 2006. – 107 с.

21. Novikova, N. The Sakhalin2 Project Grievance Mechanism, Russia / N. Novikova, E. Wilson // Wilson, E. and Blackmore, E. (eds.) Dispute or Dialogue? Community perspectives on company-led grievance mechanisms. IIED, London, 2013. – P. 84-109.

22. Novikova, N. Anthropological expert review: socio-cultural impact assessment for the Russian North / N. Novikova, E. Wilson // www.arran.no/evaluating-ethical-guidelines/?Article=122

References

1. Agnew, V.V. Plan of Assistance to the Development of Indigenous Peoples of the North of Sakhalin / V.V. Agnew // Issues of Interrelationships of Indigenous Minorities with Industrial Companies (Experience, Practice of Cooperation, Documents). – Moscow : The Federal Assembly of the Russian Federation, 2009. – P. 26-31.
2. Arctic law: the concept of development / отв. Ed. T.Ya. Khabriev. – Moscow : Publishing House "Jurisprudence", 2014. – 148 p.
3. Bazaleev, O.A. Problems of liquidity of social capital in development programs of small indigenous peoples of the North of Sakhalin / O.A. Bazaleev // Ethnographic Review. – 2012. – No. 1. – P. 121-132.
4. Geertz, K. Interpretation of cultures / K. Geertz. – Moscow : ROSPEN, 2004. – 560 p.
5. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, 2007 // http://www.un.org/en/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml
6. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) "On Ethnological Examination in Traditional Living and Traditional Economic Activities of Indigenous Peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)" // <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW249&n=22006#0>
7. People of the North: the right to resources and expertise / ed. N.I. Novikov. – Moscow : Strategy, 2008. – 511 p.
8. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, 1966 // http://www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
9. Novikova, N.I. What is ethnological expertise? / N.I. Novikova // <https://www.youtube.com/watch?v=Et2p2EkEPpl>
10. Novikova, N.I. Hunters and oil workers. Research on legal anthropology / N.I. Novikova. – Moscow : Nauka, 2014. – 407 p.
11. The World Bank's Operating Policy 4.10. Indigenous peoples // http://siteresources.worldbank.org/OPSMANUAL/Resources/210384-1170795590012/OP410_Russian.pdf
12. Potravny, I.M. Territories of traditional nature use: development constraints or factors of economic growth? / I.M. Potravny, V.V. Gassius, S.M. Afanasiev // Arctic: ecology and economics. – 2017. – No. 2 (26). – P. 4-16.
13. The Order of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) of November 25, 2015, No. 1383-r "On approval of the positive opinion of the Expert Commission of Ethnological Expertise on materials on the assessment of the impact on the ethnological environment (OVES) as part of the project documentation" Mainline Pipeline "Siberia Power" / <http://old.sakha.gov.ru/node/119623>
14. Guiding principles of business in the human rights aspect: implementation of the UN framework on "protection, compliance and remedies" // http://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_EN.p
15. Sleptsov, A.N. State ethnological expertise of the Republic of Sakha (Yakutia) / A.N. Sleptsov // The Arctic XXI century. Humanitarian sciences. – 2015. – No. 1 (4). – P. 15-24.
16. The strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until

2025 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of December 19, 2012) // <http://base.garant.ru/70284810/>

17. FZ of 30.04.1999 No. 82-FZ "On guarantees of the rights of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation" (with amendments and additions) // <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>

18. Shadrin, V.I. Ethnological expertise in Yakutia // Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2013. Annual report of the Network for Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflicts / V.I. Shadrin ; ed. V.A. Tishkov and V.V. Stepanov. – Moscow : IEA RAS, 2014. – P. 331-337.

19. Environmental and social policies. European Bank for Reconstruction and Development, 2014 // <http://www.ebrd.com/downloads/research/policies/esp-russian.pdf>

20. Ethnological expertise in Russia and international standards for assessing the impact of projects on indigenous peoples / comp. O.A. Murashko. – Moscow: Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, 2006. – 107 p.

23. Novikova, N. The Sakhalin2 Project Grievance Mechanism, Russia / N. Novikova, E. Wilson // Wilson, E. and Blackmore, E. (eds.) Dispute or Dialogue? Community perspectives on company-led grievance mechanisms. IIED, London, 2013. – P.84-109.

24. Novikova, N. Anthropological expert review: socio-cultural impact assessment for the Russian North / N. Novikova, E. Wilson // www.arran.no/evaluating-ethical-guidelines/?Article=122

И.В. Самсонова¹, А.Б. Неустроева², М.Б. Павлова³

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
И ДОБЫВАЮЩИХ КОМПАНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ МИРНИНСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**

*RELATIONSHIP OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH AND EXTRACTIVE COMPANIES
(ON THE MATERIALS OF THE MIRNIN DISTRICT OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))*

Предметом исследования являются взаимоотношения между родовыми общинами коренных малочисленных народов Севера и добывающими компаниями в Республике Саха (Якутия). Анализируются правовые основы регулирования отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями. Получена оценка коренными народами влияния крупных корпораций на состояние села и условия жизни их семей; определено влияние крупных корпораций на традиционные виды деятельности коренных малочисленных народов Севера; проанализировано мнение коренных народов относительно компенсации в случае негативного воздействия на природные ресурсы, необходимые для традиционной хозяйственной деятельности. Методы исследования – статистический анализ, анализ документов родовых общин, метод экспертных интервью с учредителями, председателями родовых общин, главами сельских поселений, жителями, компетентными в социальных, экономических, демографических, культурных и других сферах жизни коренных малочисленных народов Севера, анкетный опрос членов родовых общин малочисленных народов Севера. Проведенное исследование показало, что существуют определенные ограничения в развитии отношений во взаимодействии коренных малочисленных народов Севера и крупных добывающих компаний, которые, прежде всего, связаны с недостатком законодательных документов, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

¹ Самсонова Ирина Валентиновна – д.э.н., главный научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск.

E-mail: irsam@list.ru

Samsonova Irina – Doctor of economic sciences, Chief Researcher Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk.

² Неустроева Аиза Борисовна – к.соц.н., ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск.

E-mail: aizok@mail.ru

Neustroeva Aiza – Candidate of Science in Sociology, Leading Researcher Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk.

³ Павлова Мария Борисовна – к.э.н., ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск.

E-mail: mpavlova@list.ru

Pavlova Maria – Candidate of economic sciences, Leading Researcher Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, родовая община, крупные промышленные корпорации, недропользователи, территории традиционного природопользования, традиционные виды деятельности, компенсации, этнологическая экспертиза, охотничий промысел, социологические методы исследования.

The subject of this research is the interrelation between the indigenous communities of the North and exploration companies in the Sakha Republic (Yakutia). The authors analyze the legal grounds for regulating relations between the indigenous minorities of the North and subsoil users. Analyzes an opinion of indigenous people regarding compensation in case of the negative effect upon the natural resources necessary for the traditional economic activity. The following methods are applied in the course of this study: statistical analysis; analysis of the documents of indigenous communities; expert interviews with the founding parties, heads of the indigenous communities and heads of rural settlements, dwellers competent in social, economic, demographic, cultural, and other sectors of life of the indigenous minorities of the North; as well as method of questionnaire among the members of indigenous communities. The conducted research demonstrates that there exist certain restrictions in development of the relations between the indigenous people of the North and large exploration companies, which first and foremost are associated with the lack of legislative documents at the federal and regional levels.

Keywords: sociological methods of research, hunting, ethnological expertise, compensations, traditional types of activity, territories of traditional exploitation of natural resources, subsoil users, large industrial corporations, indigenous community, indigenous people.

В последние годы складываются различные практики взаимодействия коренных народов и недропользователей – хозяйственные, политико-правовые и культурные. Добывающие компании декларируют политику, нацеленную на сохранение исконной среды обитания, традиционного природопользования и повышение качества жизни коренных жителей. Однако необходимо констатировать, что освоение и разработка топливно-энергетических, минерально-сырьевых, лесных и водных ресурсов в арктических и северных регионах оказывает негативное влияние на жизненный уклад коренных малочисленных народов Севера, экономической базой которого являются возобновляемые природные ресурсы.

В настоящей статье на примере Мирнинского района Республики Саха (Якутия) анализируются связи местного сообщества коренных малочисленных народов Севера с добывающими компаниями как основными агентами трансформации социально-экономической среды района в обозримом будущем.

Эмпирической базой для проведения исследования послужили статистические материалы, федеральные и региональные нормативно-законодательные акты, научные исследования, проведенные в других регионах, документы и данные родовых общин КМНС, а также материалы собственных полевых социологических исследований, проведенные в ноябре-декабре 2015 года. Исследования затронули территории двух муниципальных наслегов Мирнинского района Республики Саха (Якутия) (далее РС (Я)), где компактно проживают коренные малочисленные народы Севера: МО Ботубуйинский наслег (с. Таас-Юрях) и МО Чуонинский наслег (с. Арылаах).

Территория Мирнинского района подвергается наиболее интенсивному промышленному освоению в Республике Саха (Якутия). По уровню развития промышленной, инженерно-технической, транспортной, социальной инфраструктуры Мирнинский район занимает одно из ведущих мест. Добыча алмазов на месторождениях Мирнинского района РС (Я) составляет примерно 14 % всей мировой добычи. На территории Мирнинского района Федеральным Управлением по недропользованию выделены 22 лицензионных участка под разведку и добычу углеводородного сырья, на которых свою хозяйственную деятельность ведут 11 нефтегазодобывающих компаний: ОАО «АЛРОСА-газ», ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча», ЗАО «Иреляхнефть» осуществляют деятельность по добыче нефти и газа; АО «Ростнефтегаз», ООО «Сюльдюкарнефтегаз», ООО «Иркутская нефтяная компания», ООО «Газпром геологоразведка», ОАО «Сургутнефтегаз», ООО «Мирныйнефтегаз», ООО «Эвенкиягеофизика», ОАО «Научно-производственный Центр по сверхглубокому бурению и комплексному изучению недр Земли» (НПЦ «Недра») ведут поисково-разведочные работы [4].

Кроме этого Мирнинский район выступает примером государственно-частного партнерства в комплексном решении социально-экономических вопросов КМНС, здесь активно внедряются механизмы взаимодействия между коренными народами и недропользователями. Всего по данным Всероссийской переписи 2010 года в Мирнинском районе проживало 553 эвенка, 156 эвенов или 0,8 % от общей численности населения района [5]. На сегодняшний день вследствие интенсивного промышленного освоения и многократного переселения со своих родных мест, ранее кочевые народы эвенки и эвены, проживающие на территории Мирнинского района, утратили свой кочевой образ жизни. Данный факт привел к фактическому исчезновению оленеводства в Мининском районе. Основными видами деятельности обследуемых родовых общин являлась охота, переработка и реализация продукции охотничьего промысла, рыболовство, сбор дикоросов, табунное коневодство. Охотпромысел ведется через родовые общины. На территории Мирнинского района было зарегистрировано и функционирует 12 родовых общин КМНС: в селе Тас-Юрях – 5 родовых общин («Ылал», «Джункун», «Ботуобуйа», «Сулакыт», «Сокукаан»); селе Сюльдюкар – 4 («Барагат», «Куохаан», «Сордонноох», «Олом»); селе Арылах – 2 («Чуона», «Туой-Хая»); городе Мирный – 1 («Кержак»).

Одним из основных критериев, характеризующих характер отношений между КМНС и добывающими компаниями, является наличие законодательства, регулирующего процесс взаимодействия коренного населения и недропользователей. Сегодня в Российской Федерации сформирована законодательная база, обеспечивающая и гарантирующая права коренных малочисленных народов, представляющая собой комплекс законодательства федерального и регионального уровней. В комплексе данные правовые акты позволяют регулировать вопросы жизнедеятельности КМНС, они гарантируют права КМНС на сохранение и развитие своей культуры, сохранение основных элементов их самобытности, таких как язык, традиции и культурное наследие; сохранение и поощрение традиционных способов использования земель и биологических ресурсов в соответствии со сложившимися культурными обычаями и т.д.

Региональное законодательство Республики Саха (Якутия) как субъекта Российской Федерации отражает многие аспекты жизнедеятельности коренных народов Севера. Оно направлено на комплексное решение задач социально-экономического и этнокультурного развития коренных этносов. Всего в Республике Саха (Якутия) принято 10 законов, касающихся коренных малочисленных народов Севера. Наличие регионального законодательства, регулирующего процесс взаимодействия коренного населения и недропользователей; региональные нормативные документы, определяющие режим природопользования на данной территории дает возможность оценить воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в Республике Саха (Якутия).

В ряду значимых достижений республиканского законодательства следует отметить Закон Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 14.04.2010 г. 820-3 № 537-IV [3]. Это основополагающий республиканский закон, направленный на реализацию полномочия субъектов Российской Федерации (далее РФ) в части защиты прав коренных малочисленных народов Севера, определенных федеральным законом «О недрах». Закон регулирует отношения в области этнологической экспертизы в целях социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. Следует отметить, что в России закон об этнологической экспертизе принят только в Республике Саха (Якутия). На сегодня опыт проведения этнологических экспертиз в РС (Я) изучается другими субъектами РФ и на федеральном уровне с целью нормативного закрепления обязательной этнологической экспертизы в РФ.

Отношения коренных малочисленных народов с промышленными корпорациями в России регулирует Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования (далее ТТП) коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» № 49-ФЗ от 07.05.2001 г. [2]. Его основное положение заключается в том, что, хотя коренные народы и имеют исключительные права на эти территории, сама земля и ее ресурсы принадлежат государству. Согласно ст.14 закона, в случае изъятия этих земель коммерческая компания обязана выплатить местным жителям компенсации. В настоящее время в Республике Саха (Якутия) решениями органов местного самоуправления образовано 60 ТТП местного значения, в том числе 10 ТТП образовано в границах муниципальных районов, 49 ТТП в границах муниципальных образований и 1 ТТП в границах кочевой родовой общины «Олом» Мирнинского района, из них 56 ТТП поставлены на учет в государственный кадастр.

Необходимо отметить, что федеральное и региональное законодательство в отношении КМНС в настоящее время носит противоречивый характер и содержит множество пробелов, что препятствует возможности его реализации, препятствует эффективному взаимодействию между КМНС и крупными корпорациями.

Основополагающую роль в хозяйственной деятельности обследованных родовых общин Мирнинского района играла охота, переработка и реализация продукции охотничьего промысла. Занятие мясным и пушным промыслом является для местных эвенков исконно сложившимся хозяйственным занятием. Родовые общины имели долгосрочные лицензии на пользование объектами животного мира. Опрос показал, что 65 % членов РОМНС являются промысловиками-сезонниками, то есть охотниками, которые имеют постоянное или временное место работы в других организациях, но на зимний сезон берут отпуск или отпуск без содержания и на несколько месяцев, уходят в тайгу на охоту, реализуют продукцию охотничьего промысла. Доля охотников-промысловиков среди членов РОМНС составляет всего 5%. Остальные 30 % охотников РОМНС являлись любителями, то есть охотниками, которые занимались охотой для личных нужд и нужд семьи, не реализовывали продукцию охотничьего промысла. Также как и сезонные охотники, большинство любителей имели постоянное место работы или были пенсионерами. В целом для 34 % респондентов охота являлась основным видом деятельности, приносящим доход.

Все члены РОМНС ежегодно охотятся на такие виды охотпромысловых животных, как соболь, дикий северный олень, лось, водоплавающая и боровая дичь. Опрос частоты охоты показал, что 26,2 % респондентов находились на охоте большую часть года, 21,4 % охотились почти каждую неделю, 16,7 % охотились в месяц один раз, и 33,3 % ответили, что охотятся редко, раз в полгода. Анализ способов и методов охоты показал, что бригады чаще всего использовали капканы и снегоходы. Большинство охотников используют для охоты собак, часть охотников использовали лошадей.

В охотничьем промысле КМНС, проживающих в Мирнинском районе, ведущих традиционный хозяйственный образ жизни, основой является охота на соболя. Общины максимально стараются использовать возможности своих охотничьих угодий и квот добычи, что в первую очередь, по словам охотников, зависело от степени материально-технической обеспеченности родовых общин и ежегоднодвигающихся конкретных маршрутов прохождения особей соболей по территории наслегов. Добытую пушнину родовые общины поставляли сельскохозяйственным производственно-промысловым кооперативам, с которыми ежегодно заключали договор о сотрудничестве и поставках пушно-мехового сырья. По поручению родовых общин поставщики экспортируют сырье на Международный пушной аукцион в г. Санкт-Петербург, сдают пушно-меховое сырье, цена на которое дифференцируется в зависимости от размера, цвета, качества, плотности, блеска и времени забоя. Опрос членов родовых общин показал, что 85,7 % охотников сдавали большую часть добытой пушнины поставщикам для реализации, остальные 14,3 % охотников не сдавали шкурки соболей, так как использовали его только для собственных нужд.

Роль пушного промысла, а, следовательно, и роль ресурсов соболя в условиях Севера, является не столько экономической, сколько социальной. Охотничий

промысел – это самая распространенная форма зимней занятости малочисленных народов на Севере, где промыслом в той или иной степени занимаются до 80 % мужского населения. Охотничий промысел для большинства опрошенных охотников не приносил больших доходов, но являлся дополнительным источником заработка. Примерный среднегодовой доход одного охотника от сдачи пушнины за период 2010–2015 гг. составлял примерно 40 тыс. рублей в год. По оценкам опрошенных охотников РОМНС доля прибыли от пушной охоты в семейном бюджете не превышала 20%. Основными причинами низкой окупаемости пушного промысла являются: высокие затраты на охотничий промысел (автотранспорт, горюче-смазочные материалы, снаряжение, провиант, капканы, прочее); малый объем квот добычи соболя, выделяемый родовым общинам; закупочные цены на шкурки соболя на аукционе.

Кроме пушного промысла одними из основных объектом промысловой и любительской охоты родовых общин являются дикий северный олень и лось, которые представляют огромную ценность в качестве мясной продукции. Исторически сложившимися дополнительными направлениями хозяйственного самообеспечения коренных народов Севера являются рыболовный промысел и сбор дикоросов. Опрос показал, что 81 % респондентов занимались рыболовством, из них 59,5 % с частотой раз-два в полгода, и только 14,3 % раз в месяц. Остальные 19 % опрошенных членов родовых общин не занимались рыболовством. Члены РОМНС не занимались промысловым ловом и рыбоводством, а занимались любительским рыболовством в целях личного потребления и в рекреационных целях (отдых, туризм, спорт).

Одним из наиболее важных продуктов питания малочисленные народы считают ягоды. На территории РОМНС для личных нужд и на реализацию члены общины в основном занимались сбором таких ягод, как брусника, красная и черная смородина, черника, голубика. По данным социологического опроса, в среднем на зиму члены родовой общины заготавливали 50 литров дикорастущих ягод. Грибов в среднем на зиму запасались 20 литров, трав – 5 литров. Часть собранных даров природы шла на продажу, пополняя семейный бюджет северян.

Нас интересовали субъективные оценки охотников об изменениях, произошедших за последние 10 лет, в количестве и составе видов диких животных, птиц, рыб и дикоросов на участке родовых общин. Как видно в таблице 1, по всем указанным в исследовании видам животных, птиц, рыб и дикоросов большинство местных жителей замечали, что изменения происходят только в сторону уменьшения (70,3%). 13,8 % респондентов считали, что ничего не изменилось, и только 2,4 % охотников ответили, что происходит увеличение. Доля затруднившихся ответить в опросе составила 17,4%. По всем рассматриваемым видам животных, птицам, рыбам и дикоросам были получены отрицательные коэффициенты изменения, то есть большинство опрошенных членов родовых общин оценивали изменения количества и состава видов в отрицательную сторону. По наблюдениям охотников за последние 10 лет наибольшие изменения в сторону ухудшения произошли в количестве дикой птицы (коэффициент изменения составил – 0,929), дикого северного оленя (-0,738) и соболя (-0,714).

Оценки изменения количества и состава видов диких животных, птиц, рыб и дикоросов на участке, где охотится респондент, за последние 10 лет

	Не изменилось	Уменьшилось	Увеличилось	Не знаю	Коэффициент изменения*
Рыба	11,9	54,8		33,3	-0,548
Ягоды	16,7	57,1		26,2	-0,571
Лось	14,3	66,7		19	-0,667
Соболь	14,3	73,8	2,4	9,5	-0,714
ДСО	11,9	76,2	2,4	9,5	-0,738
Дикая птица		92,9		7,1	-0,929
В общем, по всем видам	13,8	70,3	2,4	17,4	-0,6785

Коэффициент равный нулю, означает, что в выборочной совокупности количество «положительных» и «отрицательных» оценок одинаковое. Чем ближе коэффициент к +1, тем больше респондентов, оценивало изменения количества и состава животных, птиц, рыб и дикоросов положительно, и, наоборот, чем ближе к -1, тем больше в выборочной совокупности респондентов, оценивавших изменения в отрицательную сторону.

Большинство охотников в качестве главной причины уменьшения природных ресурсов отметили негативное влияние нефтедобывающих компаний, увеличение таких промышленных объектов, как буровые, карьеры, дороги, скважины, профиля, изыскательские и разведочные работы и т.д. (61,9%). На втором месте, 35,7 % охотников назвали большое количество лесных пожаров, произошедших за последние годы на территории Мирнинского района. Далее шли такие причины, как вырубка леса, массовые прорубки просек недропользователями, уменьшение кормов животных, засухи, браконьерство и плохая экология.

Нефтегазодобывающие сооружения располагаются обычно на значительном расстоянии от населенных пунктов (от 35 км и более), таким образом, непосредственное воздействие в основном ими оказывается на охотничий промысел. Поэтому усилия нефтегазовых компаний по социальной поддержке охотников (традиционного природопользования) преимущественно фокусируются на доставке охотников к их угодьям, спонсорской помощи в виде моторного топлива для снегоходов и моторных лодок.

Под влиянием деятельности геологоразведочных предприятий карты выючных и лесных троп в районе потеряли актуальность, так как передвижение охотников в основном осуществляется по геологическим профилям, которые проложены через каждые 300 метров. По мнению представителей добывающих компаний, таким образом, обеспечивается дополнительная поддержка охотничьего промысла. Однако масштабы воздействия промышленности пока мало изучены. По словам местных жителей, они уже давно не употребляют в пищу рыбу, которая вся зараженная.

Родовые общины КМНС имеют лицензии на долгосрочное право пользования объектами животного мира – это единственный юридический механизм воздействия на крупные корпорации. Согласно ст.40 Федерального закона «О животном мире» пользователи животным миром имеют право предъявлять иски за ущерб, причиненный им неправомерными действиями юридических лиц и граждан, повлекшими за собой гибель животных, ухудшение среды их обитания, нарушением законных прав, связанных с использованием животным миром [1]. Однако фактически жалобы о разорении и краже из охотничьих избушек, изъятии добычи из капканов, нарушении охотничьих профилей никем не рассматриваются. И охотники, и общины оказываются бессильными перед крупными корпорациями. Из интервью с местными жителями: «С одной стороны, они вроде оказывают помощь, лесовики исполняют условия договора, нефтяники тоже по мере возможности не отказывают ни в чем. Но как таковому промыслу-то мешают сильно. Зверь уходит из-за шума, грохота, вибраций» (охотник, 53 года).

Вызывают вопросы у охотников новые изменения в законодательстве, разрешающие ведение лесопромысловой и добывающей деятельности на промысловых угодьях. Ввиду сложившейся ситуации охотники согласны и на это, но с условием контроля над браконьерством. Из интервью с местными жителями: «... Сейчас по новому закону на одном и том же участке разрешается деятельность трех организаций, т.е. охота, нефтеразработка и лесопромышленность – на одном и том же участке. Я им доказываю: «Нефтедобычу и лесозаготовки можно совместить, но как это совместить с охотой? Зверь убегает, уходит – все».

О бессилии перед государственными и частными компаниями часто говорится во время встреч представителей общин коренных малочисленных народов. Если в отношении частных компаний еще есть возможность обратиться в судебные инстанции или попытаться с ними договориться, то государственными компаниями попытки провести подобные переговоры пресекаются – с комментарием о деятельности «в интересах государства».

Увеличиваются затраты на охотничий промысел, и это во многом обусловлено тем, что все больше охотников начинают ценить комфорт, приобретают дизельные генераторы, бензопилы и даже спутниковое телевидение, содержание которых требует значительных объемов топлива. Поэтому топливо, предоставляемое нефтяными компаниями, оказывается очень востребованным. Эта зависимость от топлива способствует постепенному сужению охотничьих угодий вокруг поселений и их чрезмерной эксплуатации.

В исследовании были выявлены оценки охотников важности для жизнеобеспечения их семей таких видов традиционной хозяйственной деятельности, как охота на диких копытных, рыболовство, пушная охота, сбор дикороса. В среднем по всем указанным видам традиционной деятельности 14,3 % респондентов отметили их чрезвычайную важность в жизнеобеспечении семьи; 82,1 % считали, что они скорее важны, чем нет; не сильно важны были традиционные виды хозяйствования для 3,6 % респондентов, ни один респондент не выбрал вариант ответа «совсем не важно».

Как наиболее значимые были указаны охота на диких копытных, пушная охота и сбор ягод, грибов.

Оценка коренными народами влияния крупных промышленных корпораций на состояние села и условия жизни семей показала, что 41,3 % респондентов считали, что за последние 10 лет особых изменений в состоянии села, в условиях жизни не произошло. Основной причиной этого большинство респондентов указали отсутствие благоустройства жилых домов, отсутствие водоснабжения. Улучшение в состоянии села и условиях жизни коренного населения отметили 10,8 % респондентов. В качестве основного улучшения в положении дел на селе респонденты выделили оказываемую социальную и финансовую помощь со стороны недропользователей, в частности многие указывали на деятельность АК «АЛРОСА». Среди других примеров, эффективного взаимоотношения между коренными жителями и недропользователями были указаны выделение денег на ремонт школы, финансирование строительства детского сада, газификация села.

Более 28,3 % опрошенных респондентов указали, что происходит ухудшение состояния сельских поселений и условий жизни семей членов родовых общин КМНС. Основным показателем отрицательного влияния деятельности добывающих компаний, работающих на территории Ботуобуинского и Чуонинского наслегов и в охотничьих угодьях родовых общин малочисленных народов, респонденты считали: ухудшение экологии, загрязнение водных и природных ресурсов; обмеление рек и как следствие безрыбье; бесконтрольная вырубка лесов, проезды гусеничной техники, разрушение сенокосных угодий, скважины и карьеры; множественные пожары в местах работы крупных корпораций, вследствие чего дикие животные, рыбы, водоплавающая и боровая дичь исчезали, либо мигрировали в другие районы. Все это, по мнению малочисленных народов Севера, оказывает влияние на традиционное природопользование местных жителей, ухудшает рацион их питания, снижает объемы добычи пушнины, диких копытных и птиц. Отмечалось повсеместное ухудшение качества охотничьих угодий.

Респондентам было предложено ответить на вопрос «В последние годы влияют ли на ваш охотничий промысел, рыболовство, сбор дикоросов и сенокос какие-нибудь промышленные объекты?» По всей выборке 73,9 % респондентов отметили реальное влияние промышленных объектов на их охотничий промысел, собирательство, рыболовство и сенокос. Только 6,5 % охотников ответили, что никакие промышленные объекты не повлияли на традиционные виды деятельности, 19,6 % охотников затруднились ответить на данный вопрос.

Наиболее сильное негативное влияние, по мнению большинства членов родовых общин малочисленных народов промышленное освоение в Мирнинском районе имело на охотничий промысел и рыболовство. Менее пострадали заготовка кормов для крупного рогатого скота и сбор дикоросов.

В случае негативного воздействия на природные ресурсы, необходимые для традиционной хозяйственной деятельности, по мнению большинства членов РОМНС, первую очередь экономический ущерб добывающие компании должны

оплачивать наслегу (70,7%), рядом с которым располагается промышленный объект; во-вторых; родовым общинам, которым был нанесен ущерб (53,7%) и, в-третьих, конкретным жителям, занимающимся традиционным природопользованием на затронутом участке земли (39,0%), за которыми прикреплен участок. Последними кому респонденты считали необходимым оплачивать ущерб за негативное воздействие на природные ресурсы были Республика Саха (Якутия) и Мирнинский район (по 19,5 % каждый).

На вопрос «Какие способы компенсации убытков добывающими компаниями охотникам, родовым общинам и коренному населению Вы считаете правильным?» 87,8 % респондентов ответили, что необходимо строительство сооружений, объектов, улучшающих качество жизни местного населения. 12,2 % респондентов считали, что правильным будет способ компенсации в денежной форме, и 4,9 % ждали в качестве возмещения ущерба от недропользователей выделения других территорий, заменяющих объектов, материалов, оборудования.

Общее мнение экспертов заключается в том, что в процессе своей деятельности промышленных компании независимо от размера (крупные, средние, малые) наносят ущерб экологической ситуации в местах проведения разведывательных, добывающих и других работ. Они загрязняют окружающую среду отходами производства, что непременно губительно сказывается на здоровье коренного населения этих мест. Работа этих организаций связана с радиоактивными материалами, а повышенный радиоактивный фон прямо влияет на риск получить онкологические заболевания. Кроме того, загрязнение рек, вырубка лесов, нарушение ландшафта снижает популяцию зверей и количество рыбы, препятствуя занятию традиционными видами деятельности коренных малочисленных народов. Поэтому необходимо контролировать экологическую ситуацию, не доводить до разрушения природы на территориях промышленного освоения. А при нарушении экологии выплачивать компенсацию за вред коренным жителям. Поэтому добывающие компании должны сознавать о свою социальную ответственность перед людьми, проживающими на разрабатываемых территориях. Для этого необходимо совершенствовать законодательство в этой сфере, также как и общественный и государственный контроль над деятельностью корпораций.

Члены родовых общин малочисленных народов высказали следующие ожидания от добывающих компаний, которые приходят и работают на территорию сельских поселений Мирнинского района – заключение договоров, соглашений компаниями недропользователями с субъектами права традиционного природопользования об использовании земель для целей недропользования в границах территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, в которых должны быть обязательства компаний недропользователей по выплате компенсаций коренным малочисленным народом из-за влияния на окружающую среду в результате хозяйственной деятельности компаний; содействие по благоустройству и обустройству села, в улучшении условий быта – горячий и холодный водопровод, канализация, в строительстве водоочистительного оборудования, водотводных

каналов, улучшение качества питьевой воды; строительство социально значимых объектов, как спортзал, баня, гараж, почта; строительство дорог; трудоустройство – предоставление рабочих мест для представителей коренного населения.

Крупными компаниями декларируется политика, нацеленная на сохранение исконной среды обитания, традиционного природопользования и повышение качества жизни коренных жителей Якутии. Добывающие предприятия, осуществляющие деятельность на территориях проживания коренных малочисленных народов, устанавливают с ними свои договорные отношения с учетом их интересов. Заключаются двусторонние (между предприятием и правительством РС (Я)), (между недропользователем, администрацией муниципального образования) социально-экономические соглашения. При участии органов региональной власти проводятся общественные слушания, совещания, круглые столы, конференции с недропользователями республики с обязательным участием представителей Ассоциации КМНС.

В Республике Саха (Якутия) как субъекта Российской Федерации идет выстраивание процессов взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и общественных объединений коренных народов по защите их конституционных прав, исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Благодаря деятельности добывающих компаний значительно увеличиваются поступления в бюджет муниципального образования. Основным бюджетообразующим предприятием не только района, но и всей республики является АК «АЛРОСА». Кроме положенных налоговых (в виде налога на доходы физических лиц) и неналоговых (дивиденды по акциям, арендная плата за землю) платежей в бюджет муниципального района АК «АЛРОСА» осуществляет помощь в рамках отдельных соглашений по социально-экономическому сотрудничеству.

На основании подписанных соглашений, компания ежегодно перечисляет средства на капитальный и текущий ремонт учреждений образования, культуры, на развитие физической культуры и спорта, отдых и оздоровление детей, на профориентационную работу и др.

В районе активно развивается нефтегазовая отрасль, центр которой обосновался на территории Муниципального образования «Ботуобуйинский наслег» с. Таас-Юрях. По итогам 2015 и 2016 годов данный наслег стал первым сельским муниципальным поселением республики, которое перечисляет так называемый «отрицательный трансферт» в государственный бюджет РС (Я) в связи с превышением средней доходной бюджетной обеспеченности на одного жителя.

В рамках социальной ответственности нефтегазовые компании также подписывают социально-экономические соглашения о сотрудничестве с региональным правительством и администрациями муниципальных образований, на территориях которых осуществляют добычу сырья. Однако недостаток соответствующей нормативно-правовой базы в указанной сфере не позволяет в полной мере регулировать этот процесс.

Для эффективного взаимодействия КМНС в добывающем секторе имеются барьеры: противоречия и сложности в действующем законодательстве, неразвитые

системы представления заявлений общественности и безответственная промышленная политика. Кроме того, в России нет важных международных документов (таких как Конвенция МОТ169, Декларация ООН о правах коренных народов 2007 года), которая могла бы улучшить отношения между коренными народами и добывающими компаниями не занимая места.

Исследование показало, что взаимодействие крупных корпораций и местного сообщества КМНС представляет собой в настоящее время одностороннюю связь, в которой добывающая компания является доминантом и по своему усмотрению определяет вид и размеры социальной помощи. На локальном уровне наблюдается недостаточность опыта и практики выражения собственных интересов и своей деятельности представителями коренных малочисленных народов. Любая спонсорская помощь со стороны добывающих предприятий воспринимается местным населением с благодарностью, постепенно формируя у них зависимость.

На сегодняшний день существуют определенные ограничения в развитии отношений во взаимодействии КМНС и крупных корпораций. Основное внимание следует уделить реформированию как федерального, так и регионального законодательства, касающегося КМНС, и усилить регламентационное исполнение оценок воздействия промышленного освоения на традиционное природопользование (этнологической экспертизы). Перед региональными органами власти стоит задача разработать стратегии по проведению оценок воздействия, определения механизмов по определению компенсаций за негативное воздействие на окружающую среду и выгод. Роль муниципальных органов власти на территориях коренных малочисленных народов нуждается в дальнейшем изучении, с тем, чтобы КМНС занимали значимое место в политической, административной и территориальной структуре и способствовали эффективному принятию решений относительно использования природных ресурсов. Наконец, крупный бизнес должен проявлять большую ответственность за их влияние на местные сообщества и общины.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 17-02-00214-а «Разработка методологии ущерба коренным малочисленным народам Севера при промышленном освоении территорий традиционного природопользования».

Литература

1. ФЗ «О животном мире» от 24 апр. 1995 г. № 52-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «Консультант плюс» – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146079.

2. ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» № 49-ФЗ от 07.05.2001 г. // [http:// docs.cntd.ru/document/901786770](http://docs.cntd.ru/document/901786770).

3. Закон Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 года 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // <http://docs.cntd.ru/document/895252453>.

4. Самсонова, И.В. Проблемы взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний в Республике Саха (Якутия) / И.В. Самсонова, А.Б. Неустроева, М.Б. Павлова // Социодинамика. – 2017. – № 9. – С. 21-37. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.9.23852.

5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // [http:// www.gks.ru](http://www.gks.ru).

References

1. Federal Law “On the animal kingdom” of 24 April. 1995 No. 52-FZ (with amendment and additional) // SPS “Consultant Plus” – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146079.

2. Federal Law “On the Territories of Traditional Nature Management of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation” No. 49-ФЗ of 07.05.2001 // [http:// docs.cntd.ru/document/901786770](http://docs.cntd.ru/document/901786770).

3. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) on April 14, 2010 820-3 № 537-IV “On Ethnological Expertise in Traditional Living and Traditional Economic Activities of Indigenous Peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)” // <http://docs.cntd.ru/document/895252453>.

4. Samsonova, I.V. Problems of interaction of indigenous ethnic groups of the North and mining companies in the Sakha (Yakutia) Republic / I.V. Samsonova, A.B. Neustroeva, M.B.Pavlova // Sociodynamics. – 2017. – No 9. – P.21-37. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.9.23852.

5. Results of the All-Russian Population Census of 2010 Official website of the Federal State Statistics Service // [http:// www.gks.ru](http://www.gks.ru).

УДК 528:347.173 (=1.571.56-81)

Л.А. Семенова¹

СОЗДАНИЕ ГИС-ПРОЕКТА ПРИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

CREATION OF GIS – THE PROJECT AT ETHNOLOGICAL EXAMINATION

В данной статье представлены результаты создания ГИС – проекта при этнологической экспертизе территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера. Созданный ГИС – проект дает возможность объективно оценивать воздействия промышленных объектов на природную среду. На начальном этапе создана структура самого ГИС – проекта, а также картографическая основа территорий традиционного природопользования (ТТП). Уточнены границы кочевых родовых общин. Сформирована обширная база пространственных данных по территориям традиционного природопользования. Результатом данного проекта стало получение первых результатов оценки расчета ущерба причиненных промышленными организациями территориям проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: географическая информационная система (ГИС), пространственная база данных, этнологическая экспертиза, традиционное природопользование, коренные малочисленные народы Севера (КМНС), Республика Саха (Якутия).

Results of creation of GIS – the project are presented in this article at ethnological examination of territories of traditional environmental management of indigenous ethnic groups of the North. The created GIS – the project gives the chance to objectively estimate impacts of industrial facilities on the environment. At the initial stage the structure of the GIS – the project and also a cartographical basis of the territories of traditional environmental management (TTEM) is created. Borders of nomadic tribal communities are specified. The extensive base of spatial data on territories of traditional environmental management is created. Obtaining the first results of assessment of calculation of damage caused by the industrial organizations to territories of accommodation and economic activity of indigenous ethnic groups of the North became result of this project.

Keywords: geographic information system (GIS), spatial database, ethnological expertize, traditional environmental management, indigenous ethnic groups of the North (IEGN), Sakha (Yakutia) Republic.

¹ Семенова Любовь Александровна – старший преподаватель кафедры североведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, младший научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск.

E-mail: selyuba@mail.ru

Semenova Lubov – senior lecturer, Department of Northern Studies M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, junior researcher, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk.

Республика Саха (Якутия) занимает особое место на карте Российской Федерации, обладая богатыми запасами природных ресурсов – алмазы, золото, уголь, природного газа, нефти, леса и отличаясь суровыми природно-климатическими условиями. В настоящее время в республике, в том числе и на территориях традиционного природопользования (ТПП) ведется крупномасштабное освоение минеральных и топливно-энергетических ресурсов. В рамках промышленного освоения зачастую затрагиваются права и интересы коренных малочисленных народов Севера, особенно в связи со строительством трубопроводов. В целях защиты прав на сохранение исконной среды и традиционного образа жизни Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» предусмотрено возмещение убытков, причиненных коренным малочисленным народам в результате нанесения ущерба исконной среде их хозяйственной деятельностью организаций всех форм. Для возмещения ущерба традиционному природопользованию необходимо проводить этнологическую экспертизу с определением размеров убытков пользователей земель и других природных ресурсов в местах традиционной хозяйственной деятельности КМНС, причиненные промышленными компаниями. Чтобы этнологическая экспертиза была полной, необходимо создание единой информационной базы территорий традиционного природопользования Республики Саха (Якутия).

Одной из задач единой информационной базы данных для проведения этнологической экспертизы является создание ГИС – проекта (географической информационной системы). Главной целью ГИС – проекта при этнологической экспертизе является создание инструмента – пространственной базы данных для научного исследования и обобщения результатов воздействия промышленных объектов на исконную среду обитания малочисленных народов.

На территории Якутии проживает около 40 тыс. чел.[8] (4,2 % населения), которые относятся к коренным малочисленным народам Севера: долганы, юкагиры, чукчи, эвенки и эвены [5]. Многие из них занимаются традиционной хозяйственной деятельностью (оленоводство, рыболовство, охота и собирательство дикоросов), которая являются средством к существованию.

Традиционное природопользование – основа жизнедеятельности и выживания коренных народов. Существует тесная связь малочисленных народов с окружающей их средой, с особенностями природно-климатических условий и ландшафтов. Использование природно-ресурсного потенциала природного ландшафта является фундаментом жизнедеятельности и жизнеобеспечения этнического сообщества. Также важную роль играют экологические условия, которые влияют на этнокультурные способы природопользования [1].

Хозяйственная деятельность коренных народов основывается на эксплуатации пастбищ, промысловых, почвенных ресурсов исторически сложившимися методами, позволяющее длительное время поддерживать его сбалансированное развитие. Основные ареалы традиционного природопользования приурочены к местам проживания коренных малочисленных народов Севера [2].

На данный момент по закону РС (Я) от 13 июля 2006 года N 370-3 N 755-III «О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» образованы 54 территории традиционного природопользования как местного и республиканского значения с общей площадью 169,25 млн га [7].

В Якутии принят Закон Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе», утвержден регламент проведения этнологической экспертизы. Существующие на федеральном уровне правовые нормы, предписывают участие общественности и представителей коренных малочисленных народов в принятии решений в отношении использования земель их традиционного проживания и хозяйственной деятельности и обязательных компенсаций убытков традиционному природопользованию. Понятие этнологической экспертизы впервые было введено Федеральным Законом от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Этнологическая экспертиза – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса (ст. 1, п. 6).

Приказом Министерства регионального развития РФ от 9 декабря 2009 г. № 565 была утверждена методика исчисления размеров убытков в традиционных отраслях хозяйствах КМНС «Об утверждении методики исчисления размеров убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации». Данная методика исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, разработана в соответствии федеральными законами и нормативными правовыми актами в целях обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на защиту их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов, в том числе «Методическими рекомендациями по оценке качества земель, являющихся исконной средой обитания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», утверждены руководителем Росземкадастра России 2 марта 2004 года.

По данной методике выделены различные требования к выполнению оценки качества земель по 5 направлениям: ландшафтно-экологическое районирование; геоботаническое обследование; оценка земель, пригодных в использовании под оленьи пастбища; оценка земель, используемых под охотничьи и рыбопромысловые угодья; оценка земель, используемых под промысловые угодья дикоросов, которые требуют специалистов с разных научных направлений. Для выполнения оценки земель важную роль создание ландшафтно-экологической карты масштаба 1:100000, которая будет основой для проведения комплекса работ по ресурсной оценке качества земель [4]. Такая работа требует современного подхода к оценке качества земель и

основой таких исследований должно опираться на использование географических информационных систем (ГИС).

Географическая информационная система (ГИС), предназначенная для сбора, хранения, обработки, отображения и распространения пространственно-координированных данных, включая пространственный анализ, картографирование и моделирование, классификацию, оценку, районирование территории и т.п. [3].

ГИС нашли широкое применение в различных сферах и направлениях территориальной деятельности: в кадастрах (земельном, водном, лесном, недвижимости и т.д.); в муниципальном управлении; в проектировании, строительстве, эксплуатации объектов; в геологических исследованиях; в разработке и эксплуатации различных месторождений; в сельском, лесном и водном хозяйстве; в природопользовании и при экологическом мониторинге и т.д.

На нынешнем уровне развития роль ГИС не ограничивается сбором, хранением и передачей информации. Современные ГИС становятся инструментом для моделирования природных, хозяйственных, социальных процессов и ситуаций, прослеживания их связей, взаимодействий, прогнозирования развития в пространстве и времени, получение новой качественной и количественной информации, а главное – средством обеспечения (поддержки) принятия решений управленческого характера и представления выводов [3].

ГИС дает возможность строить на основе созданных пространственных баз данных тематические карты, отражающие текущее состояние, исследование динамики изменения в пространстве и времени, моделирование развития ситуации, получение комплексных оценок, построение различных графиков, таблиц и диаграмм. Использование ГИС делает возможным достоверно рассчитать ущерб, т.к. географически привязанная информация различных тематических слоев является основой осуществления расчета [6].

В качестве базовой программной платформы ГИС для проекта ГИС при этнологической экспертизы выбрано ArcGIS 10.4 фирмы ESRI. ArcGIS представляет собой полную систему, которая позволяет собирать, организовывать, управлять, анализировать, обмениваться и распределять географическую информацию [9].

Для выполнения этнологической экспертизы потребуется не только оценка качества земель, но другие данные, характеризующие территорию исследования: природно-климатические и социально-экономические данные. Для выполнения оценки воздействия на этнологическую среду должна быть создана общая информационная база данных природной, социально-экономической и демографической характеристики территории, в которой ГИС является одним из ветвей для проведения исследования.

Основными этапами построения ГИС – проекта при этнологической экспертизе:

- Выбор логической структуры и создание на основе материалов пространственной базы данных, создание картографической основы;
- Формирование базы данных границ кочевых родовых общин, территорий традиционного природопользования;

- Составление базы данных промышленных объектов на территориях исследования, по которым будут сделаны расчеты исчисления убытков;
- Формирование базы данных социально-экономических показателей территории;
- Выполнение оценки качества земель по 5 направлениям;
- Создание тематических карт по кочевым родовым общинам и территориям традиционного природопользования.

Важным этапом стало формирование пространственной базы данных, по которой созданы тематические карты оценки земель по разным направлениям. На основе созданных тематических карт были выделены зоны воздействия промышленных объектов с применением аналитического инструментария программы ArcGIS.

На основе использования ГИС получены первые результаты оценки расчета ущербов причиненных промышленными организациями. Создана пространственная база данных уточненных границ кочевых родовых общин, территорий традиционного природопользования и составлены геоботанические карты с описаниями.

Заключение

Применение ГИС в этнологической экспертизе позволило использовать возможности географического представления состояния территории исследования, выполнить пространственный анализ и картографировать зоны воздействия промышленных объектов на природную среду, по которым исчисляется ущерб.

Литература

1. Абалаков, А.Д. Традиционное природопользование: проблемы и перспективы развития / Абалаков А.Д. // География и природные ресурсы. – 2013. – № 1. – С. 182-188.
2. Красовская, Т.М. Введение в природопользование / Т.М. Красовская, М.В. Слипечук. – Москва : Географический фак-т. МГУ, 2016. – 224 с.
3. Лурье, И.К. Геоинформационное картографирование. Методы геоинформатики и цифровой обработки космических снимков / И.К. Лурье. – Москва : КДУ, 2008. – 424 с.
4. Методические рекомендации по оценке качества земель, являющихся исконной средой обитания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Методические рекомендации Росземкадастра от 02.03.2004
5. Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апр. 2006 г. № 536-р
6. Семенова, Л.А. Традиционное природопользование Алданского района: на примере кочевой родовой общины «Амин» / Л.А. Семенова, П.М. Игнатьева // Территория инноваций. – 2017. – № 6 (10). – С. 132-138.
7. В Якутии территории традиционного природопользования можно создавать на основании обращений коренных народов // <http://yakutiakmns.org/archives/6179> (дата обращения: 06.08.2017)

8. Итоги переписи населения 2010 г. Территориальный орган федеральной службы статистики по Республике Саха (Якутия) // http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 06.08.2017)

9. ArcGIS Resources // <http://resources.arcgis.com/ru/help/getting-started/articles/026n00000014000000.htm> (дата обращения: 02.08.2017)

References

1. Abalakov, A.D. Traditional environmental management: problems and prospects of development / A.D. Abalakov // *Geography and natural resources*. – 2013. – No 1. – P. 182-188.

2. Krasovskaja, T.M. Introduction to environmental management / T.M. Krasovskaja, M.V. Slipetchuk. – Moscow : Geogr. fak-t. MGU, 2016. – 224 p.

3. Lur'e, I.K. Geoinformation mapping. Methods of geoinformatics and digital processing of space pictures / I.K. Lur'e. – Moscow : KDU, 2008. – 424 p.

4. Methodical recommendations about assessment of quality of the lands which are the primordial habitat of indigenous ethnic groups of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. The methodical recommendations of Roszemkadastr from 02.03.2004

5. List of indigenous ethnic groups of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: order of the Government of the Russian Federation of Apr 17 2006 y. № 536-r

6. Semenova, L.A. Traditional environmental management of the Aldan district: on the example of nomadic tribal community "Amine" / L.A. Semenova, P.M. Ignat'eva. – *Territorija innovacij*. – 2017. – No 6 (10). – P. 132-138

7. In Yakutia territories of traditional environmental management can be created on the basis of addresses of indigenous people // <http://yakutiakmsn.org/archives/6179> (reference date: 06.08.2017)

8. Results of a population census of 2010. Territorial authority of federal service of statistics on the Sakha (Yakutia) Republic // http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (reference date: 06.08.2017)

9. ArcGIS Resources // <http://resources.arcgis.com/ru/help/getting-started/articles/026n00000014000000.htm> (reference date: 02.08.2017)

УДК 502.1 (571.56-37)

П.М. Игнатьева¹

**ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ АЛДАНСКОГО РАЙОНА:
НА ПРИМЕРЕ КОЧЕВОЙ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ «АМИН»**

*TRADITIONAL ENVIRONMENTAL MANAGEMENT OF THE ALDAN DISTRICT:
ON THE EXAMPLE OF NOMADIC TRIBAL COMMUNITY «AMINE»*

В статье рассматриваются основные виды традиционной деятельности кочевой родовой общины.

Ключевые слова: природопользование, кочевые родовые общины, Алданский район, Республика Саха (Якутия).

The main types of traditional activities of the nomadic tribal community are considered in the article.

Keywords: wildlife management, nomadic tribal communities, Aldan district, Republic of Sakha (Yakutia).

Южная Якутия – один из наиболее развитых социально-экономических районов Республики Саха (Якутия). Административным центром Алданского района является г. Алдан. Ведущее место в экономике района занимает горнодобывающая промышленность – добыча золота, имеется производство строительных материалов, ремонтно-механические и автотранспортные предприятия, деревообработка, ювелирная, пищевая отрасли [7].

Алданский район расположен в северной части обширного Алданского нагорья. В геологическом отношении территория района находится на стыке докембрийских кристаллических пород, главным образом гнейсов, и осадочных карбонатных пород кембрийского возраста, широко распространенных к северу [1].

Район относится к территориям проживания малочисленных народов Севера: села Хатыстыр и Угоян сельского поселения Беллетский эвенкийский национальный наслег, село Кутана сельского поселения Наслег Анамы.

¹ Игнатьева Полина Михайловна – младший научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск.

E-mail: polika85@mail.ru

Ignatyeva Polina – junior researcher Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk.

До конца 19 века преобладающая часть территории Южной Якутии была заселена кочевниками-эвенками (ороченами), занимавшимися традиционными видами хозяйственной деятельности: охотой и оленеводством. В бассейнах Алдана и Амги полуоседло жили якуты и эвенки, занимавшиеся охотой и скотоводством.

Со стороны Амура через Становой хребет в начале 19 века в Южную Якутию начали проникать золотоискатели, организовавшие разработку золотоносных песков Верхнего Сутама и Тимптона [2].

По данным переписи населения 2010 года на территории района проживало 42632 чел., из них 2073 чел. – эвенки (4,8 % от общего количества населения) [6].

Кочевая родовая община коренных малочисленных народов Севера – Эвенков (КРО КМНС (Э)) «Амин» расположена в западной части Алданского района в Беллетском эвенкийском национальном наслеге. Территория общины находится в 100 км северо-западнее села Хатыстыр, в бассейне верховья реки Амга (левый приток реки Алдан). Площадь территории общины составляет 41832 га (рис. 1).

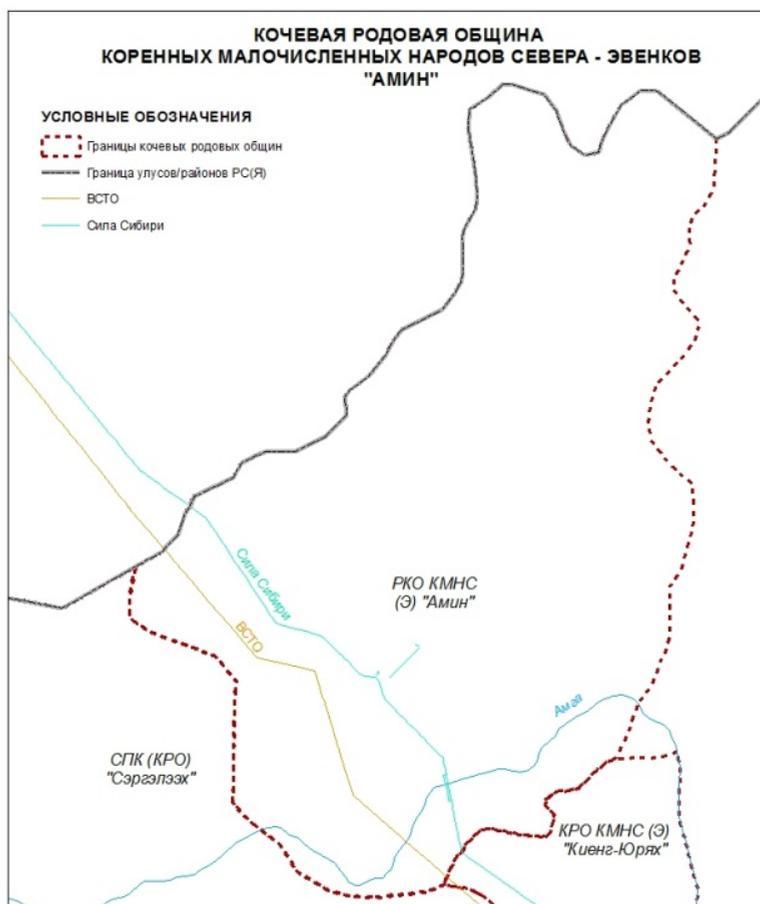

Рис. 1. Территория КРО КМНС (Э) «Амин» (сост. по материалам [3])

РКО КМНС «Амга» создана в 1993 году по Распоряжению Администрации Алданского района № 480-р в целях возрождения, сохранения и развития уклада жизни, культуры, языка, обеспечения полной занятости и социальной защиты в условиях рыночных отношений, а также сохранения территории расселения и среды обитания эвенков.

В 2013 году община была переименована в Родовую кочевую общину коренных малочисленных народов Севера – Эвенков «Амин» («Отец»). Главой общины «Амин» является Тарасова Елизавета Анатольевна. В общине «Амин» числится 5 человек: 3 мужчины и две женщины. По национальному составу все эвенки. Хозяйственным центром общины «Амин» является село Хатыстыр.

Основными видами традиционной деятельности общины «Амин» является оленеводство, охотпромысел, рыболовство и сбор дикорастущих пищевых и лекарственных растений. Оленеводство играет основополагающую роль в деятельности общины «Амин».

На 01.01.2016 год община выпасает 35 голов оленей, из них маточного поголовья – 22 головы [4]. Оленьи пастбища общины расположены на всей территории хозяйства. В южной части территории в долине реки Амга расположены пастбища летнего сезона. В последние годы происходит снижение поголовья оленей. Основной причиной является непроизводительный отход оленей из-за резкого увеличения численности хищников (волки, медведи). В районе возделываются кормовые культуры, выращиваются овощи и картофель.

Ежегодно добываются следующие виды охотпромысловых животных: лось, дикий северный олень, медведь, косуля, соболь, волк, белка, заяц, куропатка, рябчик, тетерев, глухарь, утки, гуси.

Рыболовство осуществляется на реке Амга. Промысловые виды рыб представлены хариусом, ленком, тайменем, налимом.

Сбором дикорастущих пищевых и лекарственных растений члены общины занимаются в летний и осенний периоды. Для личных нужд и на реализацию община собирает до 300 кг ягод и грибов.

Продукция традиционных отраслей реализуется в селе Хатыстыр и городе Алдане.

Литература

1. Атлас сельского хозяйства Якутской АССР. – Москва : Глав. упр. геод. и карт., 1989. – 115 с.
2. Ефимов, И.К. Южная Якутия / И.К. Ефимов. – Якутск, 1957. – 110 с.
3. Свидетельство на право владения и постоянного пользования землей. План расположения земель родовой общины «Амга». 1993.
4. Статистический сборник. Итоги учета скота, птицы, оленей и зверей по Республике Саха (Якутия): стат. сб. – Якутск: Сахастан, 2016. – 140 с.
5. Корпорация развития Южной Якутии // <http://www.sy-corp.ru/project/44.htm> (дата обращения: 18.05.2017).

6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) // http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 20.05.2017).

7. Центр социально-экономического и политического мониторинга // <http://arctic.s-vfu.ru/monitoring/aldan/index.shtml> (дата обращения: 20.05.2017).

References

1. The Atlas of Agriculture of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. – Moscow: Head. Exercise. geod. and maps., 1989. – 115 p.

2. Efimov, I.K. Southern Yakutia. – Yakutsk, 1957. – 110 p.

3. Certificate of ownership and permanent use of land. Plan for the location of the land of the tribal community “Amga”. 1993.

4. Statistical compilation. Results of accounting for livestock, poultry, deer and animals in the Republic of Sakha (Yakutia): stat. Sat. – Yakutsk: Sakhastat, 2016. – 140 p.

5. Development Corporation of South Yakutia // <http://www.sy-corp.ru/project/44.htm> (reference date: 18.05.2017).

6. Territorial organ of the Federal State Statistics Service for the Republic of Sakha (Yakutia) // http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/en/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (reference date: 20.05.2017).

7. Center for Socio-Economic and Political Monitoring // <http://arctic.s-vfu.ru/monitoring/aldan/index.shtml> (reference date: 20.05.2017).

Б.В. Лашов¹

**КОРЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ**

*INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN ARCTIC:
ECONOMIC AND ETHNIC ASPECTS OF DEVELOPMENT*

Программа освоения российской зоны Арктики в контексте этнической политики предусматривает развитие хозяйства и роста благосостояния коренных малочисленных народов данной территории. Сохранение традиционных видов деятельности рассматривается в качестве производственной основы жизнедеятельности этих этносов. В статье показано, что сфера традиционной деятельности (прежде всего северного оленеводства) ограничена, а производство на основе традиционной технологии и организации в современных рыночных условиях неэффективно. В данное время этой системе хозяйствования нет альтернативы, поэтому экономическая поддержка отрасли выступает важнейшим элементом этнической политики государства. В статье рассматриваются направления государственной поддержки отрасли, вопросы занятости вне оленеводства и промысловых отраслей, а также этнической самоидентификации индивидов в меняющихся условиях.

Ключевые слова: этнос, традиционная деятельность, оленеводство, государственная поддержка.

The program for the development of the Russian Arctic zone in the context of ethnic policy provides for the development of the economy and the growth of the well-being of the indigenous small peoples of this territory. Preserving the traditional types of activity is considered as an industrial basis for the vital activity of these ethnic groups. This paper shows that the sphere of traditional activity (primarily reindeer breeding) is limited, and production based on traditional technology and organization is inefficient in modern market conditions. At the present time, there is no alternative to this system of management, so economic support for the industry is an important element of the ethnic policy of the state. This paper considers the lines of state support of the industry, employment issues outside reindeer breeding and hunting and fishing industries, as well as ethnic self-identification of individuals in changing conditions.

Keywords: ethnic group, traditional activities, reindeer breeding, state support.

¹ Лашов Борис Васильевич – д.э.н., профессор Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин.

E-mail: shaudit@mail.ru

Lashov Boris – Doctor of economic sciences, professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg, Pushkin.

В рамках реализации Государственной программы «Социально – экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» предусмотрено «улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности в Арктике» [2]. К категории коренных жителей относятся малочисленные народы этой территории: ненцы, саами, долганы, нганасаны, чукчи, эскимосы, энцы и другие. Численность населения этих народов колеблется от 44,6 тыс. человек (ненцы) до 1 тыс. человек (нганасаны, энцы).

Не менее 80 % населения этих народов проживает в пределах рассматриваемой зоны и в той или иной степени занимается оленеводством, рыболовством, охотой на пушных и других зверей, морским зверобойным промыслом. В меньшей мере в этих отраслях заняты эвенки и эвены, проживающие в основном за пределами арктической зоны, а также коми и якуты, не относящиеся к малочисленным народам.

В связи с малочисленностью коренных народов, особым родом их занятости и спецификой образа жизни перед Государственной комиссией по вопросам развития Арктики поставлена задача сохранения «традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности, а также объектов культурного наследия» этих народов [7].

Для принятия практических мер по решению этих задач необходимо определиться с содержанием понятий «традиционная хозяйственная деятельность», «традиционный образ жизни», так как в реальных условиях они трактуются неоднозначно. Нередко имеет место отождествление понятий «отрасль традиционной занятости» и «отрасль традиционной хозяйственной деятельности». В первом случае не акцентируется внимание на характеристику хозяйственной деятельности с позиций технологического и организационного совершенствования производства в отрасли. Между тем, это имеет первостепенное значение в экономическом аспекте, и в то же время выступает определяющим фактором сохранения или трансформации образа жизни занятого в отрасли населения.

С учетом сказанного к отраслям традиционной деятельности автор относит те, которые в силу особых обстоятельств в современных условиях в мало измененном виде сохраняют технологию и организацию производства сложившуюся много лет (десятилетий, и даже веков) назад [6]. Такие отрасли с большими трудностями функционируют рыночной экономике, но они в наибольшей степени содействуют сохранению традиционного образа жизни населения и важнейших признаков его этнической принадлежности.

К числу отраслей традиционной хозяйственной деятельности следует отнести оленеводство. В данной отрасли до настоящего времени без существенных изменений сохранились технология и организация производства, возникшие много веков назад. Эта система ведения хозяйства в качестве производственной основы определила существование кочевого образа жизни преобладающей части оленеводческого населения. В его условиях сформировались и сохраняются такие признаки этнической принадлежности, как культура, традиции, язык и особенности его словарного состава, народные ремесла. В связи с этим отметим, что понятие кочевого

образа жизни в данном случае предполагает не просто периодическую смену места жительства семьи, а смену его вместе имеющимся жилищем. Это создает множество проблем, и сохранение кочевания не может быть самоцелью, как это часто провозглашается. К тому же образ жизни есть производное от условий и особенностей производства. Таким образом, государственная поддержка оленеводства как важнейшей жизнеобеспечивающей отрасли одновременно выступает средством сохранения образа жизни, адекватного данной специфике, технологии и организации производства. В связи с этим ниже речь пойдет о перспективах развития отрасли и о направлениях ее государственной поддержки, но прежде отметим, что в отличие от оленеводства другие отрасли претерпели радикальные изменения в технологии и организации производства и в малой степени способствуют сохранению указанных черт этнической принадлежности коренного населения.

Общим для всех рассматриваемых отраслей является то, что они не производят, а присваивают готовые биологические ресурсы арктической тундры, а также внутренних и морских прибрежных водоемов зоны. К примеру, население не занимается рыбозапасом, а производит промысел рыбы в естественных водоемах. Таким же образом дело обстоит с морскими млекопитающими, с дикими зверями, с пернатыми. В этих условиях масштабы производства и занятости зависят от того, что может дать природа. И не более того. Если высокоэффективные средства промысла, транспорта, навигации, связи, обеспечивающие рост производительности труда и доходности промысла, используются в рыболовстве без должного контроля, то ресурсная база промысла и условия занятости населения ухудшаются. Этот процесс наблюдаем в ряде районов Севера, хотя принимаются меры по рыбозапасу и зарыблению водоемов, происходит ужесточению контроля за промыслом. Но проблема воспроизводства рыбных и других биологических ресурсов остается.

Пушной промысел, как и рыболовство, также испытал влияние технического прогресса, но в данном случае сложность ситуации в отрасли имеет иные масштабы и другую природу. В настоящее время профессиональный пушной промысел, некогда имевший повсеместное развитие, в большинстве районов практически прекратился. Его свертывание первоначально было связано с развитием в стране конкурентной отрасли – пушного звероводства, а позднее – с резким падением спроса на шкурки пушных зверей на внешнем и внутреннем рынках.

Морской зверобойный промысел – весьма специфический вид деятельности – локализован в основном на крайнем северо-востоке зоны. Масштабы его лимитированы. Продукция идет в основном на удовлетворение внутренних потребностей домохозяйств. Не имеет рыночного назначения, и продукция охотничьего промысла на диких зверей и птиц, распространенного по всей территории Арктики.[6].

Таким образом, охарактеризованные промысловые отрасли под влиянием технического прогресса, а также в силу рыночных условий радикально изменили технологию и организацию отрасли, адаптировались к рыночной среде, а другие оказались вне ее и выступают в качестве источника натуральных доходов домохозяйств, как коренного, так и иного местного населения.

В связи с выше изложенным отметим, что учет технологических, организационных и экономических условий производства необходим не только для определения целесообразности и масштабов государственной поддержки отраслей занятости коренного населения, но также и для отражения этих условий в законодательных актах по проблемам статуса и функционирования территорий традиционного природопользования.

Среди отраслей, присваивающих готовые биологические продукты природы, особое место принадлежит оленеводству, которое распространено почти по всей территории Арктики. Сегодня практически лишь с этой отраслью связана традиционная система хозяйствования и кочевой образ жизни населения.

В настоящее время численность северных оленей в стране составляет около 1,65 млн голов, из которых до 90 % приходятся на зону Арктики. За последнюю четверть века она претерпела большие колебания. Если в 1990 г. количество оленей в стране достигало 2,26 млн голов, то к концу 2000 г. оно снизилось до 1,2 млн голов. Причиной этого явилось изменение организационно-правовых форм хозяйствования и отказ государства от планирования и поддержки отрасли, а также от контроля за ее развитием. Последующее применение стимулирующих мер привело увеличению численности оленей до 1,6 млн голов (2012 г.). К настоящему времени их численность стабилизировалась или несколько снизилась (1,53 млн голов, 2014 г.).

Перспективы дальнейшего развития отрасли обусловлены: 1) наличием естественных ресурсов – резервов оленьих пастбищ; 2) состоянием рынка сбыта оленеводческой продукции; 3) экономической эффективностью самой отрасли, базирующейся на традиционной технологии и организации производства.

1) В 2008 г. ёмкость оленьих пастбищ страны оценивалась в 2,2 млн голов, в том числе по арктической зоне – в пределах 1,85 млн голов [3]. К настоящему времени она с большой вероятностью может оказаться несколько меньшей из-за отрицательного воздействия развивающейся промышленности на состояние природной среды, в том числе и пастбищ, а также вследствие увеличения поголовья диких оленей – сильных претендентов на оленеводческие кормовые угодья. По отдельным районам наблюдается как недоиспользование пастбищ, так и их перегрузка. Избыточное поголовье (примерно в 200 тыс. оленей) содержится в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО). Почти полностью используются пастбища Ненецкого автономного округа (НАО), но большой резерв их имеется в Чукотском автономном округе (ЧАО) и на севере Республики Саха (Якутии). Использование имеющихся ресурсов пастбищ зависит от изменения других условий развития отрасли.

2) Известно, что рыночная экономика работает на спрос. По данным Союза оленеводов в 2014 году было произведено около 10 тыс. тонн оленьего мяса, или менее 100 граммов в расчете на 1 жителя страны. При этом в дальневосточной части Арктики – крупнейшем оленеводческом районе страны – пастбища по их «оленеёмкости» использовались лишь на 40%. Тем не менее, это не означает, что, в ближайшие годы ситуация резко изменится к лучшему. Во-первых, значительно возросла численность диких оленей. Во-вторых, этому препятствует ограниченная емкость местного рынка и плохая транспортная его доступность. Это объясняется низкой плотностью

населения и малой численностью жителей населенных пунктов, удаленных от мест производства продукции на большие расстояния, при неразвитости транспортной сети. Как показывает практика, ситуация существенно меняется под влиянием промышленного освоения территории. Ранее появление промышленности в районах развития оленеводства имело лишь отрицательную оценку, связанную с гибелью или ухудшением состояния пастбищ. Эти последствия наблюдаемы и в настоящее время, но промышленно-транспортное освоение и заселение территории создает емкий внутренний рынок для реализации продукции оленеводства (мяса), развивает транспортную инфраструктуру, пополняет местные бюджеты и тем самым формирует условия для разработки и реализации локальных целевых программ развития отрасли и решения социальных проблем коренного населения [5].

3) Актуальной задачей развития оленеводства остается повышение его экономической эффективности. Современный низкий уровень эффективности обусловлен самой традиционной системой ведения отрасли, базирующейся на присвоении готовых биологических продуктов пастбищ.

Как отрасль пастбищного скотоводства оленеводство возникло много веков назад, но и сегодня системе его ведения (технологии и организации) нет альтернативы. К настоящему времени пастбищное скотоводство во многих странах или прекратило свое существование, или сохранилось в мало измененном виде (Монголия). Сегодня многие оленеводы российской Арктики имеют в своем распоряжении индивидуальные вездеходы, современные средства связи, охраны оленей и другое снаряжение, но это мало меняет технологический процесс и его организацию, а также образ жизни населения. В этих условиях вертолеты нередко используются для решения бытовых проблем – завоза дров в тундру, в оленеводческие бригады.

Хозяйственная деятельность, базирующаяся на присвоении готовых продуктов природы определяет границы эффективности затрат: от природы нельзя больше взять, чем она может дать. Если ориентировочно в расчете на 1 га пастбищ можно получить 150-200 грамм мяса, то выручка от его продажи по цене в 300-320 рублей составит примерно 50-65 руб./га. На уровне отдельных хозяйств после вычета расходов на общехозяйственные цели, а также с учетом полученных государственных субсидий на поддержку отрасли, средний заработок оленеводов Ненецкого автономного округа составил в 2015 г. 19 тыс. рублей в месяц [1]. В то же время средний заработок по округу находится на уровне 70 тыс. рублей. Отметим также, что размер субсидий в расчете на одного оленевода был равен его заработку [6]. Те же субсидии в расчете на 1 кг произведенного для реализации мяса составили в среднем 100 рублей.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что экономика оленеводства малоэффективна и находится в противоречии с целями развития отрасли как производственной основы сохранения важных признаков этнической принадлежности значительной части коренных малочисленных народов Севера (КМНС).

Некоторые внутренние резервы повышения эффективности отрасли связаны с уменьшением численности оленей вследствие их гибели от погодных факторов, болезней, хищников, а также от потерь. Но перспективы сохранения и развития отрасли, в том числе и за счет освоения резервов пастбищ, неразрывно и в большей степени

связаны с сохранением государственной поддержки отрасли. Основными направлениями этой поддержки должны оставаться субсидирование части затрат на производство и реализацию продукции. Особого внимания требует выделение бюджетных средств для субсидирования части затрат на оплату воздушного транспорта, часто являющегося единственно возможным средством доставки продукции отрасли (мяса) к местам ее переработки и потребления. Как показывает опыт, формой возмещения части затрат на производство могут выступать добавки к закупочной цене заготовителей-переработчиков продукции. Желательно с помощью субсидий стимулирование создания в хозяйствах (или их объединениях) цехов по производству продукции высокой степени готовности к потреблению. В этом случае возможно увеличение доходности хозяйств за счет создания и присвоения добавленной стоимости.

Общим ориентиром для определения масштабов государственной поддержки отрасли может служить целевой показатель степени достижения уровня оплаты труда в оленеводстве в сравнении со средним уровнем заработной платы в данном субъекте федерации.

Охарактеризованное состояние отраслей традиционной занятости коренных жителей не позволяет в ближайшее время рассчитывать на заметный рост производства и занятости населения. Это относится и к оленеводству – единственной отрасли традиционной деятельности коренного населения, и важным источником денежных доходов. Другие из рассмотренных отраслей, кроме рыболовства некоторых районов, в преобладающей степени служат источником натуральных доходов семей.

В настоящее время в оленеводстве занято примерно 6-6,5 тыс. человек. В их числе преобладают ненцы и чукчи. По данным переписи населения 2002 года, в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (а по существу в оленеводстве) значилось около 3,7 тыс. человек из числа ненцев, занятых в экономике (36%) [4].

Аналогичные показатели у чукчей составили соответственно: 1,5 тыс. человек и 28,8%, у долган – 0,7 тыс. человек и 26,8%. Занятость в рыбном промысле и рыбоводстве составила у ненцев 1,5 тыс. человек и 14,4%, у чукчей – 0,15 тыс. человек и 2,8 %, у долган – 0,4 тыс. человек и 15%.

Соотношение этих показателей у других, более малочисленных народов варьируется в зависимости от местоположения их в арктической зоне.

Приведенные данные свидетельствуют об ограниченности рабочих мест, как в сфере традиционной деятельности, так и традиционной занятости. Сегодня основная часть коренного населения всего Крайнего Севера населения, не связанного с работой в рассмотренных отраслях, занята в образовании (до 20-25 % общей численности), сфере здравоохранения и социальных услуг (в основном до 10%), а также в торговле и государственном управлении. При этом даже в промышленно развитых районах доля занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях не превышает 3-4%. Такая ситуация сохраняется в основном и в настоящее время. Вне оленеводства и промыслов у наиболее многочисленных народов занято от 50 до 70 процентов работающего населения.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что повышение качества жизни коренного населения в новых отраслях занятости во все большей степени будет связано со свободным выбором работы на основе высокого уровня общего и профессионального образования. При этом желательно чтобы выбор профессии происходил с учетом перспектив развития территории проживания. В частности речь может идти о специальностях, связанных со спецификой промышленного и транспортного освоения Арктики и ее районов. В интересах хозяйства коренных жителей особое внимание должно быть уделено подготовке специалистов по землеустройству, охране окружающей среды, а также юристов, работников сферы государственной управления.

Указанная выше государственная поддержка оленеводства в наибольшей степени отвечает экономическим мерам в этнической политике, но не исчерпывает иных (социальных) мер, касающихся как оленеводческого, так и другого населения. У оленеводов заработок пастуха нередко является почти единственным источником денежных доходов семьи, так как возможности работы для вторых членов семьи и совместительства в тундре практически отсутствуют. В связи с этим различия в душевых доходах кочевого и всего населения района (округа) значительно больше, чем различия в оплате труда в отрасли в сравнении со средней по административно-территориальному образованию. В этих условиях в хозяйствах НАО за счет бюджета практиковались ежемесячные выплаты оленеводам и чумработницам (2014 г. – 2000 рублей); ежегодные социальные единовременные выплаты оленеводам и работницам чума, которым назначена трудовая пенсия; социальная помощь студентам – детям указанных работников. Этой же категории работников выплачивались пособия на каждого совместно с ними проживающего ребенка в возрасте от 1,5 до 8 лет. Некоторые виды помощи (для получения образования, медицинской помощи) касаются и неоленеводческого населения. Масштабы помощи зависят от экономики районов. Развитие системы этих мер соответствует намеченной программе повышения уровня жизни коренного населения в условиях традиционной занятости, поддержания сложившегося образа жизни и сохранения языка своего народа. У оленеводческих народов имеются наиболее высокие показатели владения языком своего народа. У ненцев они этот показатель достигал (2002 г.) 70%, у долган – 63%. В то же время у эвенов он составил 33%, у эскимосов, значительная часть которых занята в промысловой сфере и проживает в стационарных поселениях – 13%.

Достижение цели сохранения северных этносов их языка, культуры, народно-художественных промыслов, традиций должно осуществляться и вне традиционной деятельности населения, что представляет собой не менее сложную задачу. Если традиционная деятельность во многом сама по себе сберегает образ жизни, язык, традиции, ремесла, то в иных условиях необходимы воля, усилия для решения каждой из задач на основе создания на территории преимущественного проживания соответствующих институтов: представительств этносов в органах власти, культурных и других ассоциаций, объединений по интересам и т.п. В данном случае самоидентификация этносов как таковых во все большей степени будет происходить на психологической основе, что следует полнее учитывать в работе местных органов государственной власти.

Литература

1. АПК в условиях Крайнего Севера // Няръяна вындер. – 2015. – № 113.
2. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 апреля 2014 г. № 366).
3. Забродин, В.А. Северное оленеводство РФ: состояние, перспективы развития, научное обеспечение / В.А. Забродин, А.В. Комаров // Северное оленеводство: современное состояние, перспективы развития, новая концепция ветеринарного обслуживания : материалы научно-практической конференции 21-23 сентября 2011 года. РАСХН. Северо-западный региональный научный центр. – Санкт-Петербург, Пушкин, 2012 – С. 3-12.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Т. 13. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. – Москва : Фед. служба гос. статистики, 2005. – 574 с.
5. Лашов, Б.В. Северные этносы и традиционное хозяйство / Б.В. Лашов // Известия Русского географического общества. – 2013. – Том 145, вып. 5. – С. 35-40.
6. Лашов, Б.В. О государственной поддержке традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Арктики / Б.В. Лашов // Известия Русского географического общества. – 2016. – Том 148, вып. 4. – С. 77-84.
7. Положение о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики (утв. Правительством РФ от 14 марта 2015 г. № 228).
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // http://gks.free_dok/new_site/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 26.07.2017)

References

1. AIC in conditions of the Far North // Njarjana vynder. – 2015. – No. 113.
2. The State Program of the Russian Federation “Social and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation for the Period to 2020” (approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of April 24, 2014 No. 366).
3. Zabrodin, V.A. Northern reindeer breeding of the Russian Federation: state, development prospects, scientific support / V.A. Zabrodin, A.V. Komarov // Northern reindeer breeding: current state, development prospects, new concept of veterinary service : materials of the scientific-practical conference September 21-23, 2011. RAAS. North-West Regional Scientific Center. – Sankt-Petersburg, Pushkin, 2012 – P. 3-12.
4. Results of the All-Russia Population Census of 2002 // Vol. 13. Indigenous Peoples of the Russian Federation. – Moscow : Fed. service state. of statistics, 2005. – 574 p.
5. Lashov, B.V. Northern ethnic groups and traditional economy / B.V. Lashov // Regional Research of Russia. – 2013. – Vol. 145, iss. 5. – P. 35-40.
6. Lashov, B.V. About the state support of traditional economy of indigenous small peoples of the Arctic / B.V. Lashov // Regional Research of Russia. – 2016. – Vol. 148, iss. 4. – P. 77-84.
7. Regulations on the State Commission for the Development of the Arctic (approved by the Government of the Russian Federation of March 14 2015, No. 228).
8. Results of the All-Russian Population Census of 2010 // http://gks.free_dok/new_site/perepis_itogi1612.htm (reference date: 26.07.2017)/

И.В. Самсонова¹, М.Б. Павлова²

РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА КОРЕННЫМ МАЛОЧИСЛЕННЫМ НАРОДАМ ПРИ РЕСУРСНОМ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ

THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE OF COMPENSATION OF DAMAGE
TO INDIGENOUS ETHNIC GROUPS AT RESOURCE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

В статье рассматриваются отечественные и зарубежные практики социально-экономической оценки природных ресурсов на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в результате хозяйственной деятельности при ресурсном освоении территорий. Приведены особенности методики расчета ущерба биоресурсам в отечественной природоохранной деятельности, которые связаны с правообладанием территории. В исследуемых странах, компенсация коренным народам возникает при наличии коллективного права на землю. В результате, правомерность требований коренного населения заключена в осуществлении имущественных прав на землю, в которых планируется хозяйственная деятельность промышленных компаний.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Север, традиционное природопользование, хозяйственная деятельность, ущерб, экономическая оценка, природные ресурсы.

In article domestic and foreign practitioners of social economic assessment of natural resources in territories of traditional environmental management of indigenous ethnic groups of the North as a result of economic activity at resource development of territories are considered. Features of a method of calculation of damage to bioresources are given in domestic nature protection activity which are connected with right possession of the territory. In the explored countries, compensation to indigenous people arises with collective land right. As a result, the legitimacy of requirements of indigenous people is concluded in implementation of property rights on the earth in which economic activity of the industrial companies is planned.

¹ Самсонова Ирина Валентиновна – д.э.н., главный научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск.

E-mail: irsam@list.ru

Samsonova Irina – Doctor of economic sciences, Chief Researcher Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk.

² Павлова Мария Борисовна – к.э.н., ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск.

E-mail: mpavlova@list.ru

Pavlova Maria – Candidate of economic sciences, Leading Researcher Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk.

Keywords: *indigenous ethnic groups, North, traditional environmental management, economic activity, damage, economic assessment, natural resources.*

Освоение топливно-энергетических, минерально-сырьевых, лесных и водных ресурсов в северных регионах продолжает оказывать негативное влияние на жизненный уклад коренных малочисленных народов Севера, экономической базой которого являются возобновляемые природные ресурсы [4]. Отношения коренных малочисленных народов с промышленными корпорациями в России регулируется Федеральным законом «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее КМНСС и ДВ РФ)» № 49-ФЗ от 07.05.2001 г. Основное положение в данном законе заключается в том, что, хотя коренные народы и имеют исключительные права на эти территории, сама земля и ее ресурсы принадлежат государству. Согласно ст.14 закона № 49 в случае изъятия этих земель коммерческая компания обязана выплатить местным жителям компенсации [10].

При разработке месторождений полезных ископаемых на северных территориях возникает проблема экономической оценки природных ресурсов, на основе которой определяется ущерб от нецелевого использования и изъятия земельных, лесных, охотничьих и других биологических ресурсов и изменений исконной среды обитания коренных малочисленных народов и социокультурной ситуации на развитие этноса на территории промышленного освоения. Региональным органам власти в рамках существующей федеральной и субфедеральной нормативно-правовой базы приходится учитывать интересы населения и их претензии при передаче земель, используемых семьями или общинами аборигенных народов для занятий оленеводством, охотничьим промыслом, рыболовством и собирательством.

Требования об обязательном проведении процедуры оценки воздействия предполагаемой хозяйственной деятельности на сохранение и развитие проживающих в зоне воздействия этнических групп в условиях расширяющегося промышленного освоения территорий проживания коренных малочисленных народов приобретают все большее значение и актуальность.

Применение промышленными компаниями действующих методик по оценке ущерба зависит от конкретной ситуации, финансовых обязательств международных корпораций и соответствующих региональных законов. В России приняты и в практике используются ряд методик по оценке ущерба, причиненного в результате хозяйственной деятельности компании при ресурсном освоении территорий, связанного с загрязнением окружающей среды и другими экологическими нарушениями. Экономическая оценка природных ресурсов и процедуры подсчета ущерба в них разные. Отсутствие единого методологического подхода к оценке природных, земельных и других ресурсов, унификации понятий и терминов обусловили разработку принципов их оценки в отраслевом и в субфедеральном разрезе.

Одной из методик является «Методика исчисления размера убытков, причиненных объединениям КМНСС и ДВ РФ в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», утвержденная приказом Министерства регионального развития РФ от 9 декабря 2009 г. № 565 (далее Методика № 565) [6]. Следует отметить, что данная методика носит рекомендательный характер и проходит апробацию. Методика № 565 содержит описание методов исчисления размера убытков, причиняемых объединениям КМНСС и ДВ РФ, осуществляющим в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов пользование землей и другими природными ресурсами или природными комплексами в соответствии с действующим законодательством РФ и предусматривает: унификацию требований, предъявляемых к составу, содержанию и полноте исходных данных для исчисления размера убытков; а также рационализацию расчетного механизма. Для проведения расчетов по данной методике предлагается использовать 101 показатель, из этого перечня 24 показателя представляют собой нормативные показатели (коэффициенты), которые, вводятся для расчета ежегодного валового дохода и подлежат дополнительной разработке отдельно для каждого вида хозяйственной деятельности – оленеводства, охотничьего промысла, рыболовства и собирательства. Применение коэффициентов, учитывающих удаленность от пункта реализации, долю материально-технических затрат, продуктивность, свидетельствует о применении дифференциальной ренты. Таким образом, до начала проведения расчетов необходимо разработать более двух десятков коэффициентов. Большое количество коэффициентов в методике № 565 резко снижает их научную и практическую значимость, при этом алгоритм их определения не прозрачен, вследствие чего объективность многих коэффициентов можно оспорить. При этом данную методику предлагается использовать на всей территории РФ. Не имея единой методологии определения коэффициентов, их значения в каждом регионе могут значительно отличаться. И вопрос не в особенностях природных условий, а, прежде всего, в отсутствии единого методологического подхода, поэтому результаты оценки воздействия можно признавать не объективными.

Методика оценки вреда и исчисления размера ущерба от уничтожения объектов животного мира и нарушения их среды обитания при различных видах антропогенных воздействий, при ведении хозяйственной и иной деятельности, утвержденная Государственным комитетом РФ по охране окружающей среды (далее Госкомэкология РФ) от 28.04.2000 года, предусматривает расчет прямых и косвенных потерь, таких как недополученный потенциальный доход [7]. Данная Методика предусматривает расчет ущерба не только на территории хозяйственной деятельности, но и на прилегающих территориях (дополнительно 3 зоны). При этом, прямое воздействие отсутствует, но имеется негативное влияние на численность и продуктивность животных. Предусмотрены понижающие коэффициенты реагирования объектов животного мира, учтены продолжительность вредного воздействия. Время

воздействия предусматривает стадии: проектирования, строительства, функционирования, стадия стабилизации экосистем и адаптации живых организмов и т.д. Методика Госкомэкологии РФ предусматривает сравнение с эталонными территориями и адаптирована в некоторых субъектах РФ (Хабаровский край, Удмуртия, Коми, Пермский край), в которых разработаны необходимые коэффициенты, таксы и кадастры животного мира.

Согласно приказа Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 08.12.2011 № 948 (ред. от 22.07.2013) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам» эвальвация размера ущерба, причиненного охотничьим ресурсам, включает в себя расчет вреда вследствие прямого уничтожения конкретного вида охотничьих ресурсов, их незаконной добычи (отлова, отстрела), уничтожения охотничьих ресурсов по неосторожности; расчет вреда при нарушении или уничтожении среды обитания охотничьих ресурсов, если в результате такого нарушения охотничьи ресурсы навсегда (или временно) покинули территорию обитания, что повлекло их гибель, сокращение численности на данной территории, снижение продуктивности их популяций, а также репродуктивной функции отдельных особей; расчет вреда вследствие локального разрушения (уничтожения) обитаемых либо регулярно используемых охотничьими ресурсами в жизнедеятельности и для воспроизводства (размножения) нор, дупел деревьев, токов. Размер вреда вследствие прямого уничтожения конкретного вида охотничьих ресурсов, их незаконной добычи (отлова, отстрела), уничтожения по неосторожности исчисляется как произведение таксы (утвержденной правоустанавливающим документом) для исчисления размера вреда, причиненного данному виду охотничьих ресурсов [8].

Продолжают появляться новые и совершенствуются ранее принятые федеральные нормативные правовые акты в сфере традиционного природопользования малочисленных народов, что вносит свои коррективы в выполнение экономической оценки природных ресурсов, но институциональные формы ее обеспечения пока не созданы. Разработанный в настоящее время в России научно-методический аппарат экономической оценки определения ущерба причиненного коренным малочисленным народам в результате хозяйственной деятельности при ресурсном освоении территорий требует совершенствования и доработки.

В мировой практике используется методика оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС или Environmental Impact Assessment), принятая Организацией Объединенных Наций и широко используемая в развитых странах. Целью оценки является обеспечение устойчивости проекта (с точки зрения дальнейшего предоставления льгот) и его механизмов. Источниками необходимых сведений на любой из стадий ОВОС служат данные полевых наблюдений и мониторинга, моделирование, руководства, литературные источники, семинары, интервью со специалистами, результаты опросов общественного мнения. Сложившееся к настоящему времени информационное поле способно в должной мере обеспечить ОВОС необходимыми исходными материалами. Принципиально важным является методический подход к освоению и осмыслению имеющейся информационной базы и представлению конечных

результатов [20]. В настоящее время методология оценки воздействия на окружающую среду применяется более чем в 120 государствах мира.

Такие международные организации, как Европейский союз (ЕС), Всемирный банк (ВБ), Международная финансовая корпорация (МФК), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Программа развития ООН (ПРООН), Организация Объединенных Наций по вопросам образования науки и культуры (ЮНЕСКО), Международный совет научных союзов (МНПО), Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и ряд других организаций, уделяют большое внимание ОВОС, как наиболее прогрессивному методу прогнозирования и предупреждения экологических последствий хозяйственной и иной деятельности.

Интересен опыт Всемирного банка, устанавливающего необходимость оценки возможного влияния проектируемых объектов на характеристики зон: с особыми условиями использования территорий, необходимых для выживания видов, находящихся под угрозой исчезновения, или мигрирующих видов; особо важных для эндемиков или ограниченно распространенных видов, поддерживающих высокую концентрацию отдельных особей стайных видов; обладающих уникальным набором видов или связанные с ключевыми эволюционными процессами, поддерживающими биологическое разнообразие; имеющие особое социальное, экологическое или культурное значение для местного населения.

Оценка воздействия на социальную сферу SIA (Social Impact Assessment) – это инструмент для оценки рисков бедствий при планировании проектов в области развития. SIA возникла как социально-экономической составляющей оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) и может осуществляться на разных этапах проекта, от первоначального планирования до реализации и оценки после ее внедрения [17]. Социальная оценка и анализ широко используются в рамках инициатив экономического развития и борьбы с нищетой, проектов или программ для удовлетворения социальных целей. Составляющим элементом SIA является оценка воздействия на здоровье (ОВЗ). Изучаются профессиональные риски для здоровья в рамках проекта, а также воздействия на здоровье сообщества (на территории проекта или других областей, которые могут пострадать от него). В рамках методики оценка воздействия на социальную сферу проводится комплексная оценка экологического и социального воздействия.

Процесс SIA включает в себя следующие этапы: разработка программы вовлечения общественности заключается в подготовке эффективного плана по привлечению общественности; описание предлагаемых меры и отбор альтернатив; среды обитания человека и зоны стрессового влияния; определение возможных последствий проекта; исследование социальных последствий, включая моделирование и сценарии в будущем; определение вероятного ответа включает в себя ответы на изменения в социальной уязвимости (дифференциальность); косвенные и кумулятивное воздействие проекта; последствия изменений или альтернатив; смягчение негативных последствий, рекультивация и план усиления; разработать и внедрить программу мониторинга для отслеживания развития проекта.

Экологические законы в США обязывают губернаторов штатов, чтобы они выступали в качестве попечителей природных ресурсов от имени общественности, при этом эти полномочия могут быть делегированы, например, на федеральном уровне индейские племена выступают в качестве попечителей государственных природных ресурсов; министр внутренних дел США делегирует полномочия в Департамент по директорами ресурсов хозяйствующего бюро с целью осуществления управления над ресурсами в рамках действующей юрисдикции. Индейские племена имеют право выступать в качестве попечителей природных ресурсов, в том числе поддерживающих их экосистемы, принадлежащих и управляемые ими и могут подать иск о возмещении ущерба от природных ресурсов. Юридические полномочия попечителей включают сбор компенсации за ущерб от природных ресурсов. Попечители обязаны привлекать общественность в процессе оценки ущерба природным ресурсам [14].

Убытки при традиционном природопользовании могут включать в себя затраты на восстановление и промежуточные потери, которые снижают с течением времени экономическую ценность ресурса в период между нанесением ущерба и его полным восстановлением. Вместе с тем, восстановление затрат представляют собой затраты на замену, получение эквивалента поврежденных ресурсов и компенсации затраченных услуг на восстановление. Затраты на восстановление покрываются сторонами, которые несут ответственность за ущерб для ресурсов [19].

Возмещение убытков в США регулируются отдельными соглашениями с уполномоченными органами федеральной власти с индейскими племенами.

В Канаде под влиянием общественности, обеспокоенной ухудшением экологической ситуации, федеральное правительство в 1974 г. издало Инструктивную директиву по ОВОС, которая учитывала не только природные, но и социально-экономические последствия реализации различных проектов. Также в отдельных штатах Канады были сформированы фонды, которые способствовали расширению участия коренных общин в разработке минеральных ресурсов и решению следующих задач: развитие связей между горнодобывающими компаниями и общинами коренных народов с целью ответственного развития; повышение осведомленности и поощрение участия местных общин в горнодобывающей промышленности; поддержка молодежи коренного населения в трудоустройстве в сфере горнодобычи; содействие созданию условий занятости в сфере предпринимательства, обеспечение компенсации традиционным землепользователям за потерю коммерческого дохода [18].

В Финляндии, приняты законодательные акты о правах саамов (коренных народов, проживающих в странах Скандинавии). Горный закон, утвержденный в 2011 году, позволяет не предоставить разрешение на геологоразведку и добычу природных ресурсов, если это разрешение может поставить под угрозу традиционной саамской жизни и их культура [16]. Решение о разрешении на разведку, разрешение добычи полезных ископаемых или разрешение золотоискателей; решение о продлении срок действия действующего разрешения; решение о его истечении, изменение или аннулирование; прекращение деятельности горнодобывающей промышленности

может быть оспорено путем подачи апелляции местным сообществом саамов. Такие же положения закона лежат в основе Водного закона [20].

В Норвегии согласно Конституции страны органам государства вменяется в обязанность создавать условия, позволяющие группе населения саами сохранять и развивать свой язык, культуру и образ жизни (ст. 110 а). Одним из таких условий является предоставление им земель, что, однако, увязывается исключительно с правом на занятие оленеводством. В соответствии с Законом 49 «Об оленеводстве» от 9 июля 1978 года данное право принадлежит не всем саамам, а только тем, чьи родители или родители родителей занимались оленеводством как основной деятельностью. При этом право на осуществление оленеводческих работ в области оленьих пастбищ есть право пользования, которое без учета того, кто владеет землей, включает в себя: право на пребывание с оленями и на передвижение, на перекочевку и разбивку кочевого лагеря; право на пастбища для оленей; право на устройство хозяйства, которое требуется для оленеводства; право на топливо и древесину; право на охоту и рыбную ловлю (§9). Кроме того, в Норвегии частично используются положения финского законодательства о саамах.

Конституционным законодательством Швеции, в отличие от финского и норвежского – не закреплены каких-либо четких гарантий защиты саамов как коренного народа. Поскольку Швеция не является участницей Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни» 1989 года, и, у нее нет никаких международно-правовых обязательств по данному договору. Шведские саамы обладают статусом национального меньшинства, и они пользуются некоторыми эксклюзивными правами, что в основном связано с оленеводством. Саамы в Швеции не обладают правом собственности на исконные земли, традиционно ими используемые.

Таким образом, зарубежный опыт свидетельствует о возможности обеспечения права коренных народов на земли. Причем его реализация не находится во взаимосвязи с присоединением Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989 г.). Каждое из рассмотренных государств исходит из собственного понимания общечеловеческих ценностей и решает рассматриваемую проблему с учетом реальных условий – географических, этнодемографических, экономических, исторических и правовых. При этом есть общие моменты: посредством специального закона или соглашения коренные народы получают в коллективную собственность определенные территории с правом самоуправления; пользования живой и неживой природой, позволяющим им вести свое традиционное хозяйство, сохранять самобытный образ жизни и культуру; образование этнических корпораций, аккумулирующих средства аборигенов и участвующих в их интересах в экономических отношениях, для эффективного использования государственной финансовой помощи и эксплуатацию недр.

Одним из недостатков следует считать отсутствие эффективной оценки воздействия предполагаемой хозяйственной деятельности на сохранение и развитие проживающих в зоне воздействия этнических групп в условиях расширяющегося промышленного освоения территорий проживания коренных малочисленных народов

и выплате компенсационных выплат за понесенный ущерб вследствие негативного воздействия на окружающую среду. Коренные малочисленные народы и их объединения вынуждены каждый раз доказывать правомерность своих требований о выплатах им компенсаций за экологический ущерб. Подобная практика прослеживается как в международном законодательстве, так и российском.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 17-02-00214-а «Разработка методологии ущерба коренным малочисленным народам Севера при промышленном освоении территорий традиционного природопользования».

Литература

1. ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» № 49-ФЗ от 07.05.2001 г. // [http:// docs.cntd.ru/document/901786770](http://docs.cntd.ru/document/901786770) (дата обращения: 10.08.2017).

2. Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // <http://www.docs.cntd.ru> (дата обращения: 10.08.2017).

3. Крюков, В.А. Институциональные рамки обеспечения долгосрочных экономических интересов коренных малочисленных народов Севера при реализации проектов в сфере недропользования / В.А. Крюков, А.Н. Токарев // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 2. – С. 206-228.

4. Логинов, В.Г. Концептуальные основы освоения природных ресурсных районов Севера и оценки их социально-экономического потенциала : автореф. дисс. д-ра экон. наук 08.00.05. – Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2009. – 39 с.

5. Логинов, В.Г. Подходы к экономической оценке нецелевого использования природных ресурсов севера / В.Г. Логинов // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 4. – С. 3-18.

6. Методика исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденная приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 9 декабря 2009 г. № 565 // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2017).

7. Методика оценки вреда и исчисления размера ущерба от уничтожения объектов животного мира и нарушения их среды обитания при различных видах антропогенных воздействий, при ведении хозяйственной и иной деятельности, утвержденная Госкомэкологией РФ от 28.04.2000 года // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2017).

8. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 08.12.2011 N 948 (ред. от 22.07.2013) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2017).

9. Рюмина, Е.В. Ущерб от экологических нарушений: больше вопросов, чем ответов / Е.В. Рюмина // Экономика природопользования. – 2004. – № 4. – С. 55-65.

10. Казанцева, Л.Н. Подходы к оценке природных ресурсов, применяемые в методиках расчета ущерба при осуществлении хозяйственной деятельности / Л.Н. Казанцева // Вестник недропользователя ХМАО. – № 25. – 2012 // <http://neftegaz.ru/science/view/765-Podhody-k-otsenke-prirodnyh-resursov-primenyaemye-v-metodikah-rascheta-uscherba-pri-osuschestvlenii-hozyaystvennoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.08.2017).
11. Кайдо, Кама. Правовое положение и организации коренных народов Канады / Кама Кайдо. 1996 // <http://www.suri.ee/muud/kama.html> (дата обращения: 10.08.2017).
12. Максимов, А.А. Реализация интересов северных народов в условиях промышленного развития / А.А. Максимов // Сибирская заимка. – 2002. – № 7. http://zaimka.ru/07_2002/maksimov_northern/ (дата обращения: 10.08.2017).
13. Осуществление Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // <http://www.un.org/esa/socdev/publications/Indigenous/Handbook/RU.pdf> (дата обращения: 05.07.2017).
14. Alaska native claims settlement Act (1971) // http://www.alaskool.org/projects/ancsa/reports/rsjones1981/ancsa_history71.htm (дата обращения: 17.01.2017).
15. Constitution of Finland (1999/731) // http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/finland/fincon-r.htm (дата обращения: 16.01.2017).
16. Mining Act of Finland (621/2011) // <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2011/en20110621.pdf> (дата обращения: 16.01.2017).
17. Natural Resource Damage Assessment & Restoration Handbook (Public). – BLM, 2008. – P.107 // <http://www.blm.gov/wo/st/en.html> (дата обращения: 16.01.2017).
18. Nunavut Land Claims Agreement Act (1993) // <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/n-28.7/page-1.html> (дата обращения: 17.01.2017).
19. Tony, Penn. A summary Natural Resource Damage Assessment regulations under the United States oil pollution act. – P.10 // <http://ec.europa.eu/environment/legal/liability> (дата обращения: 16.01.2017).
20. Water Act of Finland 264/1961 // <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1961/en19610264> (дата обращения: 16.01.2017).

References

1. Federal Law "On the Territories of Traditional Nature Management of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation" No. 49-ФЗ of 07.05.2001 // <http://docs.cntd.ru/document/901786770> (reference date: 10.08.2017).
2. ILO Convention No. 169 «On Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries» // <http://www.docs.cntd.ru> (reference date: 10.08.2017).
3. Kryukov, V.A. Institutional Framework for Ensuring the Long-Term Economic Interests of Indigenous Peoples of the North in the Implementation of Projects in the Field of Subsoil Use / V.A. Kryukov, A.N. Tokarev // Region: Economics and Sociology. – 2005. – No. 2. – P. 206-228.
4. Loginov, V.G. Conceptual bases of development of natural resource areas of the North and an estimation of their social and economic potential: the author's abstract. diss. Dr. econ. Sciences 08.00.05. – Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. – 39 p.
5. Loginov, V.G. Approaches to the economic evaluation of misuse of natural resources of the north / V.G. Loginov // Region: Economics and Sociology. – 2010. – No. 4. – P. 3-18.

6. The methodology for calculating the amount of losses caused to associations of indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation as a result of economic and other activities of organizations of all forms of ownership and individuals in places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous small peoples of the Russian Federation, Regional Development of the Russian Federation of December 9, 2009 No. 565 // <http://www.consultant.ru> (reference date: 10.08.2017).

7. Methodology for assessing harm and calculating the amount of damage from destruction of wildlife objects and disturbance of their habitat under various types of anthropogenic influences, while conducting economic and other activities, approved by the State Ecology Committee of the Russian Federation of April 28, 2000 // <http://www.consultant.ru> (reference date: 10.08.2017).

8. Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation of 08.12.2011 No. 948 (Edited on 22.07.2013) "On the approval of the methodology for calculating the amount of damage caused to hunting resources" // <http://www.consultant.ru> (reference date: 10.08.2017).

9. Ryumin, E.V. Damage from environmental violations: more questions than answers / E.V. Ryumina // Economics of nature management. – 2004. – No. 4. – P. 55-65.

10. Kazantseva, L.N. Approaches to the assessment of natural resources used in the methods of calculating damage during the implementation of economic activity / L.N. Kazantseva // Bulletin of the subsoil user of HMAD. – No 25. – 2012 // <http://neftegaz.ru/science/view/765-Podhody-k-otsenke-prirodnih-resursov-primenyaemye-v-metodikh-rascheta-uscherba-pri-ouschestvlenii-hozyaystvennoy-deyatelnosti> (reference date: 10.08. 2017).

11. Kaido, Kama. Legal Status and Organizations of Indigenous Peoples of Canada.1996 / Kama Kaido // <http://www.suri.ee/muud/kama.html> (reference date: 10.08.2017).

12. Maksimov, A.A. Realization of interests of northern peoples in the conditions of industrial development / A.A. Maksimov // Siberian Hook. – 2002. – № 7. http://zaimka.ru/07_2002/maksimov_northern/ (reference date: 10.08.2017).

13. Implementation of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples // <http://www.un.org/esa/socdev/publications/Indigenous/Handbook/RU.pdf> (reference date: 05.07.2017).

14. Alaska native claims settlement Act (1971) // http://www.alaskool.org/projects/ancsa/reports/rsjones1981/ancsa_history71.htm (reference date: 17.01.2017).

15. Constitution of Finland (1999/731) // http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/finland/fincon-r.htm (reference date: 16.01.2017).

16. Mining Act of Finland (621/2011) // <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2011/en20110621.pdf> (reference date: 16.01.2017).

17. Natural Resource Damage Assessment & Restoration Handbook (Public). – BLM, 2008. – P. 107 // <http://www.blm.gov/wo/st/en.html> (reference date: 16.01.2017).

18. Nunavut Land Claims Agreement Act (1993) // <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/n-28.7/page-1.html> (reference date: 17.01.2017).

19. Tony, Penn. A summary Natural Resource Damage Assessment regulations under the United States oil pollution act. – P.10 // <http://ec.europa.eu/environment/legal/liability> (reference date: 16.01.2017).

20. Water Act of Finland 264/1961 // <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1961/en19610264> (reference date: 16.01.2017).

Информационно-научное издание

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Распространяется бесплатно

№ 3 (13)

2017

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Учредитель

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка *Л.М. Винокурова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.11.2017. Дата выхода 30.11.2017.
Формат 70x100/16. Печ. л. 4,90. Уч.-изд. л. 6,12. Тираж 30 экз. Заказ № 190.
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций